

Слепой. Тайна Леонардо

Автор:

[Андрей Воронин](#)

Слепой. Тайна Леонардо

Андрей Николаевич Воронин

Слепой #32

Спецагент Глеб Сиверов, по кличке Слепой, и его бессменный шеф, генерал ФСБ Федор Филиппович Потапчук, должны вычислить крупного афериста, а чтобы сделать это, им придется... ограбить Эрмитаж. Слепому еще не приходилось участвовать в «похищении века», да еще таком странном, когда одним крупным ограблением прикрывают другое. Преступник хитер и осторожен, он убивает всех, кто исполнил его поручение – никто не знает заказчика в лицо. Как найти того, кого никто не видел? Глебу Сиверову никогда не поручали простых дел...

Андрей Воронин

Слепой. Тайна Леонардо

© Составление. Оформление. ООО «Харвест», 2006.

Глава 1

– Заканчивайте без меня, – сказал доктор Дружинин, и две увенчанных зелеными хирургическими шапочками головы с марлевыми повязками вместо лиц одновременно абсолютно одинаковым движением кивнули, выражая согласие.

Владимир Яковлевич вышел из операционной, содрал с ладоней окровавленные латексные перчатки и швырнул их в специально предназначенный для этой цели бак. Затем снял густо забрызганный кровью фартук, придававший ему сходство с мясником в разгар рабочего дня, порылся в складках бледно-зеленого хирургического балахона, извлек оттуда пачку сигарет и с наслаждением закурил, втягивая дым с жадностью наркомана, дорвавшегося до дозы после двухнедельного воздержания. Рука, державшая сигарету, мелко дрожала, но доктор Дружинин не обращал на это внимания. Теперь, когда сложная и в высшей степени ответственная операция сделана, рука могла дрожать, сколько ей вздумается. Она хорошо потрудились, и немудрено, что после такой работы каждая жилка мелко вибрировала от напряжения.

«Чертова работа», – как обычно, подумал он, и в голову сразу же пришло, что, сколько бы ни ругал свою работу, он не променяет ее ни на какую другую. На свете не так уж много профессий, позволяющих чуть ли не каждый божий день творить чудеса, и Владимиру Яковлевичу Дружинину удалось приобрести одну из них. И не просто получить диплом, а достичь высот, недоступных подавляющему большинству его коллег как в России, так и за ее пределами. «Доктор, вы просто волшебник!» – эту фразу он слышал столько раз, что она уже давно перестала будить в его душе хоть какой-то отклик. Волшебник... Знали бы они, каким трудом дается это волшебство!

Впрочем, пациентам доктора Дружинина знать о его проблемах было ни к чему. Они знали главное: «спасибо» в карман не положишь, на хлеб не намажешь и шубу из него не сошьешь. И будет с них... А профессиональная кухня – это его, Владимира Яковлевича, личное дело. У каждого человека есть свои секреты – у кого-то маленькие, у кого-то побольше, помасштабнее...

Сигарета, выкуренная до самого фильтра, обожгла пальцы. Доктор сунул окурок в пепельницу и немедленно закурил снова. Теперь он курил уже не так жадно, напряжение мало-помалу шло на убыль, и в душе опять зашевелилось неприятное, тревожное чувство, с некоторых пор угнездившееся там, в самом темном уголке, где хранились главные секреты, знать о которых не полагалось никому на всем белом свете. Секреты тоже были разные, большие и маленькие, но вот последний... Этот секрет, как стало в последнее время казаться Владимиру Яковлевичу, был для него чересчур велик и запросто мог раздавить доктора Дружинина в лепешку своей неопишуемой тяжестью.

Доктор Дружинин стоял у окна и курил, размышляя о том, что же он, черт подери, только что натворил своими золотыми руками. За спиной у него распахнулись двери операционной, но Владимир Яковлевич даже не обернулся, когда мимо провезли хирургическую каталку, на которой лежало до подбородка укрытое простыней тело с бесформенным марлевым шаром вместо головы.

* * *

Кира Григорьевна Большакова двигалась вперед размеренным походным шагом опытного экскурсовода, настолько вошедшим в привычку, что ей уже не нужно было контролировать себя, следя за временем и скоростью. Высокие каблуки ее немного старомодных, но очень изящных замшевых туфелек уверенно стучали по сложной мозаике из ценных пород дерева, которую язык не поворачивался назвать паркетом, и сквозь этот стук Кира Григорьевна привычно улавливала глухой шум, производимый следовавшей за ней по пятам группой – шарканье подошв, шорох одежды, покашливанье, осторожные, вполголоса, разговоры...

Впрочем, не такие уж осторожные и далеко не всегда вполголоса. Группа ей сегодня досталась еще та – какие-то не то нефтяники, не то газовики из Восточной Сибири с женами и детьми, прибывшие в Петербург, дабы приобщиться к сокровищам мировой и российской культуры. Приобщение, как водится, шло туго, и в этом не было ничего удивительного: из упомянутых выше сокровищ нефтяников-газовиков более всего интересовали казино и рестораны, а их увешанных золотом и драгоценными камнями супруг – бутики северной столицы. Что же до немногочисленных детей, то их, опять же, как водится, не интересовало вообще ничего, кроме оставленных дома компьютеров. Государственный Эрмитаж был просто частью обязательной программы, местом, куда они были обязаны зайти, чтобы отметить, получить право по возвращении домой солидно заявлять: да, был, видел. Богато жили, сволочи, а так, в общем, ничего особенного...

Кира Григорьевна была достаточно опытным экскурсоводом и не раздражалась по этому поводу. Так было всегда, во все времена, просто теперь это стало заметнее. Раньше люди стеснялись своей серости, старались ее скрыть. Нынешние не стесняются, особенно такие, как эти, доверху набитые деньгами и оттого считающие себя центром мироздания. Это их поговорка: «Если ты такой умный, почему не богатый?» Они уверены, что деньги решают все, и самое отвратительное, что они во многом правы – во всяком случае, так это выглядит

сегодня. Но если собранная здесь красота тронет хотя бы одного из тысячи, оставив на непробиваемой броне самоуверенного невежества пусть легкую, неглубокую, но все-таки царапину, это уже хорошо.

Так Кира Григорьевна рассуждала, когда повсеместно торжествующая серость все-таки донимала ее. Это было что-то вроде аутотренинга. «Красота спасет мир», – как заклятье, повторяла она про себя и через некоторое время снова начинала в это верить. А в такие моменты, как сейчас, ей приходилось просто прятать свои чувства за отполированным до зеркального блеска щитом бесстрастного профессионализма: посмотрите налево, посмотрите направо, не растягивайтесь, пожалуйста... извините, но руками трогать нельзя. Да, вот именно, нельзя. Ничего нельзя, и это тоже... Газовиков-нефтяников нельзя было винить в том, что они не способны отличить работы Питера Брейгеля-младшего от работ его отца, Питера Брейгеля-старшего; в конце концов, Кира Григорьевна Большакова разбиралась в технологии добычи полезных ископаемых еще хуже, чем они в живописи.

Она остановилась, и группа, которой хоть и с трудом, но все-таки удалось навязать принятые здесь правила игры, тоже замедлила ход, постепенно собравшись вокруг нее неровным полукольцом.

– Наивысшего расцвета, – заговорила она звучным голосом, – искусство Италии достигло в конце пятнадцатого – первой половине шестнадцатого века, в период Высокого Возрождения, когда творили такие мастера, как Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Джорджоне, Тициан...

Краем глаза она видела лица слушавших ее людей. Эти лица выражали тупую покорность, терпеливую скуку или, наоборот, с трудом сдерживаемое нетерпеливое желание поскорее отсюда выбраться – словом, все что угодно, только не интерес, который они, по идее, должны были выражать. Продолжая говорить, она покосилась на смотрительницу, что сидела здесь же, на обшитом зеленым бархатом пуфике, и та ответила ей сочувственным взглядом поверх очков. Она тоже с первого взгляда поняла, что за публику привела с собой Кира Григорьевна, и уже находилась в полной боевой готовности отгонять, одергивать, не позволять трогать руками – словом, «хватать и не пущать», как однажды, давным-давно, выразился классик, которого эти люди не читали.

– Государственный Эрмитаж, – говорила Кира Григорьевна, – один из немногих музеев мира, обладающих подлинными работами величайшего художника,

ученого и мыслителя эпохи Возрождения Леонардо да Винчи. Перед вами находятся два из примерно десяти сохранившихся до наших дней живописных произведений Леонардо...

За этим, собственно, они сюда и пришли – посмотреть на работы Леонардо да Винчи. Все остальные бесценные сокровища Эрмитажа могли заинтересовать их лишь ненадолго и мимоходом. Собственно, и сами работы да Винчи были для этих людей не более чем картинами, и Кира Григорьевна точно знала, что они испытают, когда она замолчит и даст им возможность самостоятельно разглядеть то, зачем они сюда явились. Разочарование – вот что их ожидало, потому что они с детства слышали о Леонардо и пришли сюда с ожиданием какого-то волшебства. Волшебство здесь действительно присутствовало, да только ощутить его эти люди были не способны...

«Мадонна Бенуа», как и следовало ожидать, вызвала у этой компании нездоровое оживление. Говоря о новых художественных принципах, которые утверждал в искусстве великий Леонардо, Кира Григорьевна краем уха ловила высказываемые хриплым полусшепотом предположения, сколько лет было натурщице и как она, сопливая девчонка, ухитрилась родить такого раскормленного младенца. Внешность «мадонны с цветком» также подверглась всестороннему обсуждению и была признана не выдерживающей критики.

Затем настала очередь «Мадонны Литта». Кира Григорьевна упомянула о семействе итальянских герцогов, в собрании которых некоторое время находилась картина, благодаря чему она и получила свое название, рассказала о стремлении художника воплотить в образе мадонны черты идеально прекрасного человека, а потом, сделав поправку на уровень аудитории, предложила экскурсантам обратить внимание на руки мадонны.

– Обратите внимание, – сказала она, – на то, с какой скрупулезной точностью художник следует натуре. Во времена Леонардо не существовало маникюрных наборов, и, если хорошенько приглядеться, можно заметить, что ногти на руках у мадонны аккуратно обгрызены...

– Ну вот, – немедленно объявил один из нефтяников, краснолицый крепыш с седеющей шкиперской бородкой, которая шла ему как корове седло, адресуясь к своей дорого, но безвкусно одетой супруге, – ты видишь? Мадонне можно, а мне нельзя?

подавив горестный вздох, Кира Григорьевна предложила экскурсантам «побыть наедине» с великими произведениями искусства и с облегчением умолкла. Рассыпать бисер перед свиньями – занятие бессмысленное, но ничего другого она, к сожалению, не умела.

Несколько нефтяников, в том числе и тип со шкиперской бородкой, ссылавшийся на авторитет да Винчи в своей борьбе за право беспрепятственно грызть ногти, столпились перед «Мадонной Литта», разглядывая и обсуждая ее с придирчивостью потенциальных покупателей. В целом, как поняла Кира Григорьевна из подаваемых ими реплик, то, как Леонардо владел кистью, заслужило их одобрение.

– Гляди, – по-прежнему обращаясь к жене, ворчал давешний бородатый нефтяник, почти водя носом по стеклу, защищавшему мадонну от таких, как он, – гляди, как человек работал! Одна тыща четыреста девяностый год, Америку еще не открыли, а нарисовано-то как! Не картина – фотография! А ты, понимаешь, купила картину... такие бабки отвалила, а на нее глядеть страшно! Мазня! Не поймешь, то ли он кисточкой краску по холсту развозил, то ли лопатой, все в буграх, и пыль с этих бугров хрен сотрешь...

– Можно подумать, ты только и делаешь, что пыль в квартире вытираешь, – хладнокровно парировала жена, разглядывая злополучную мадонну холодным оценивающим взглядом удачливой соперницы.

– Ха, размечталась! – Явно задетый таким несправедливым выпадом покоритель земных недр, похоже, забыл, где находится, и его голос, способный перекрыть визг снежного бурана и шум работающей бурильной установки, раскатился по всему залу, заставив посетителей обернуться.

Смотрительница вскочила со своего пуфика так стремительно, словно ее ткнули снизу сапожным шилом, и устремилась к нарушителю спокойствия с тихим, но пронзительным шипением: «Тише! Тише! Что вы себе позволяете?!»

– Пардон, мамаша, – добродушно пророкотал нефтяник, прижимая к сердцу большие красные ладони, – виноват, больше не повторится...

– Валенок, – отчетливо произнесла в наступившей тишине его жена. – Медведь. Вечно с тобой позора не оберешься...

– Так я ж ничего, – оправдываясь, забормотал покоритель недр, и его красное от мороза и ветра лицо сделалось еще краснее. – Я говорю, картина красивая, нынче так рисовать уже никто не умеет. Гляди, гладенько как, прямо как на фотографии...

– Картины пишут, а не рисуют, – мстительно сообщила ему супруга. – Валенок, – повторила она и отвернулась, поджав густо покрашенные ярко-красной помадой губы.

Чтобы сгладить инцидент, Кира Григорьевна заговорила снова. Поведав слушателям о том, что Леонардо был одним из тех, кто впервые применил в живописи масляную краску, она была вынуждена разъяснить разницу между маслом и темперой, упомянуть о применявшейся Леонардо технике «сфумато», а затем сочла необходимым поставить точку в неуместном здесь супружеском споре.

– Так что, – сказала она, – мазки и неровности на поверхности картины, разумеется, есть, и, если бы не толстое стекло, вы без труда смогли бы их разглядеть. Если хорошенько присмотреться, они видны даже через стекло, особенно если смотреть под острым углом, сбоку...

Неугомонный обладатель шкиперской бородки и вздорной супруги немедленно зашел сбоку, сунулся лицом к самому стеклу и принялся, согласно полученной рекомендации, рассматривать картину под острым углом. Вид у него при этом был до комичности серьезный, как будто он пытался отыскать неисправность в забарахлившем бурильном оборудовании.

– Да нету, – объявил он на весь зал, разгибаясь, с таким видом, как будто его только что попытались грубо обмануть.

– Тише! – опять зашипела зрительница.

– Простите? – обернувшись через плечо и изумленно приподняв брови, сказала Кира Григорьевна этому возмутителю спокойствия, о котором уже успела забыть.

– Нету, говорю, там никаких мазков.

Снисходительно улыбнувшись и бросив красноречивый взгляд на часы, Кира Григорьевна еще раз, более подробно, рассказала о сфумато и добавила несколько слов о составах живописных лаков, которыми пользовались в те времена. Нефтяника это, однако, не удовлетворило. Похоже, он был из тех людей, которые отстаивают свою правоту до последнего, невзирая ни на что.

– Это все понятно, – произнес он тоном, который свидетельствовал о том, что рассказ Киры Григорьевны вряд ли дошел до его сознания, – но мазков-то нет! Гладенько все, как на фотографии!

– Ну, разумеется, – поняв, что его не переспоришь, и не желая затягивать этот глупый инцидент, согласилась Кира Григорьевна. – В те времена фотографии еще не существовало, и художники стремились как можно более реалистично запечатлеть натуру – разумеется, в несколько приукрашенном, идеализированном виде. Отсюда и некоторое сходство их произведений с фотографией... Давайте продолжим нашу экскурсию, – чуть повысив голос, уверенно и звонко произнесла она, – и осмотрим так называемые Лоджии Рафаэля, построенные архитектором Кваренги в восьмидесятые годы восемнадцатого века и являющиеся копией знаменитых Лоджий Рафаэля, украшающих Ватиканский дворец...

Группа послушно, как стадо баранов за пастухом, потянулась за ней. Было слышно, как жена бородатого нефтяника злобным полусшепотом разносит его за невежество и тупость, а тот виновато, но упрямо бубнит, что попадает белке в глаз с двадцати метров безо всякой оптики, а значит, как-нибудь способен разглядеть, есть на картине бугорки или их там нету.

Двое разбитных молодых людей, считавших, по всей видимости, что их плоские шутки должны веселить всех окружающих так же, как их самих, и потому безумно мешавшие Кире Григорьевне в продолжение всей экскурсии, вполголоса, но внятно и очень оживленно обсуждали какой-то глупый комедийный фильм, герой которого, страховой агент, нечаянно запачкал страшно дорогую картину и, пытаясь очистить, полностью смыл растворителем голову изображенной дамы. Давясь хохотом, молодые люди наперебой вспоминали, какую рожу этот недотепа подрисовал углем на месте исчезнувшей головы и как он потом ухитрился поместить под пуленепробиваемое стекло обыкновенный рекламный фотоплакат, а на презентации никто ничего не заметил...

Кира Григорьевна вспомнила, что тоже видела этот фильм по телевизору. Фильм действительно был очень смешной, хотя и страшно глупый, но сейчас Кире Григорьевне почему-то было не до смеха. Подумалось вдруг, что она уже давненько не приходила в зал да Винчи одна и не смотрела на его работы по-настоящему, как бывало когда-то...

Она замедлила шаг и обернулась. Толстое стекло, защищавшее «Мадонну Литта» от посягательств вандалов, слегка поблескивало под лучами мощных светильников. Его вид внушал уверенность, что с картиной ничего не может случиться – ныне, и присно, и во веки веков, аминь, – однако Кира Григорьевна мысленно пообещала себе, что после закрытия музея обязательно вернется сюда, чтобы окончательно развеять вдруг зародившееся в душе странное, ни с чем не сообразное подозрение.

Глава 2

– Что ж, Дмитрий Васильевич, – сказала Ирина Андропова, отступая на шаг от картины и убирая в сумочку увеличительное стекло, к помощи которого все еще иногда прибегала для пущей солидности, особенно когда имела дело с незнакомыми ей людьми, – вынуждена вас огорчить. Это копия, хотя и весьма совершенная, написанная не ранее чем через полтора года после смерти мастера. Увы, увы... Впрочем, – добавила она, чтобы собеседник не слишком огорчился, – ее рыночная стоимость тоже достаточно велика...

– Ну-ну, полноте, Ирина Константиновна, – с улыбкой произнес старик, – бог с ней, с рыночной стоимостью! Речь не о ней, а о художественной ценности данного... гм... произведения.

– Увы, – повторила Ирина.

– Ну да, ну да... – старик поправил очки в массивной роговой оправе и привычным движением огладил остроконечную седую бородку. Он чем-то неуловимо напоминал Ирине отца, покойного профессора Андропова, хотя внешнего сходства между ними не было никакого. – Какая может быть художественная ценность у копии?

– То-то, что никакой! – радостно подхватил второй старик, до этого молча сидевший на обитом зеленым плюшем диванчике и с нескрываемым удовлетворением наблюдавший за происходящим. Он был невысокий, худой, лысый, со сморщенной, как печеное яблоко, ехидной физиономией; несмотря на дорогой, идеально отутюженный костюм без единой лишней складки, шелковый платок, обвивавший морщинистую черепашую шею, сверкающие туфли и безупречные манеры, его так и подмывало назвать не стариком, а старикашкой. – Я тебе, старому дурню, сразу сказал, что это копия, а ты заладил, как ученый скворец: оригинал, оригинал... Неизвестный ранее шедевр он, видите ли, открыл! Если разобраться, так это не копия даже, а подделка. Стиль письма похож, а такая работа ни в одном каталоге не значится... Верно ведь? – обратился он за поддержкой к Ирине.

– Верно, – сдерживая улыбку, сказала та, – но лишь отчасти. Ведь мы с вами не знаем, в действительности ли здесь скопирован только стиль. А может, этот неизвестный художник копировал подлинную картину мастера, просто не дошедшую до наших дней?

– Вот именно, – с удовольствием поддакнул Дмитрий Васильевич и, переплетя пальцы рук на объемистом чреве, благодушно уставился на своего оппонента поверх очков.

– Чепуха! – отмахнулся тот. – Ни в коем случае не ставя под сомнение вашу компетентность, уважаемая Ирина Константиновна, я все-таки должен заметить, что развлекаться предположениями можно до бесконечности. Вы сейчас пытаетесь помочь этому старому толстому мошеннику увильнуть от расплаты. А между тем все ясно как божий день: это не подлинник, спор разрешен беспристрастным арбитром, и настало самое время проигравшему платить, а победителю – вкусить плоды своей виктории.

Ирина промолчала. Сморщенный старикашка во многом был прав: развлекаться предположениями она привыкла в другом месте и в другой компании, а что до плодов виктории, так это уже было и вовсе не ее дело.

– Давай-давай, старый жмот, – продолжал между тем старикашка с нескрываемым злорадством, – открывай закрома! Пробил час расплаты! Будешь знать, как хвастаться!

– Экий ты, право, грубиян, – сказал Дмитрий Васильевич. – Хоть бы при даме постеснялся...

Он с кряхтением выбрался из недр глубокого кресла с потертой плюшевой обивкой, обогнул массивный круглый стол, опиравшийся на когтистые львиные лапы, распахнул резные дверцы старинного, умело отреставрированного буфета и принялся рыться внутри, мелодично позвякивая хрусталем. Наконец на свет появилась пузатая бутылка зеленого стекла с длинным горлышком.

– Тридцать лет берег, – пожаловался он, водружая бутылку на стол, – а теперь вот приходится отдавать этому фанфарону...

– Не берег, а жилил. Я тебе еще тридцать лет назад говорил: давай ее разопьем. А ты пожадничал. Был жмотом, жмотом и состарился, – объявил старикашка, с вожделием глядя на бутылку и энергично потирая ладони.

– Представляете, – обращаясь к Ирине, сказал Дмитрий Васильевич, – какие бывают люди? Тридцать лет точить зубы на чужую бутылку коньяка! Он и спор этот затеял наверняка только для того, чтобы ее у меня выманить. Не удивлюсь, если окажется, что он сам подсунул мне эту несчастную картину...

– Гнусная клевета! – воскликнул старикашка, хватая бутылку. – Ну, что стал? Штопор давай, бокалы... Вы ведь не откажетесь разделить со мной сладкий миг торжества? – любезно улыбаясь, обратился он к Ирине. – Коньяк настоящий, теперь такого днем с огнем не найдешь.

– Это верно, – подтвердил Дмитрий Васильевич. – Теперь такого просто не делают.

– Благодарю вас – Ирина решительно поднялась. – Я за рулем, и вообще... Словом, мне пора. Не буду вам мешать. Если вам нужно официальное заключение...

– Что вы, что вы! – вскричал старикашка, которого, если Ирине не изменяла память, звали Петром Петровичем. – Мы верим вам на слово!

– Безусловно, – подтвердил Дмитрий Васильевич. – Мне доводилось встречаться с вашим отцом, и я, помнится, был восхищен глубиной и обширностью его познаний. Утверждают, что вы пошли в него, и мы с Петром Петровичем только что получили этому весьма убедительное и красноречивое подтверждение. Что же до официального заключения экспертизы, то оно не требуется, поскольку речь о продаже данного полотна не ведется. Все-таки, как ни крути, середина девятнадцатого века... Копия или не копия, а пускать эту вещь по рукам, чтобы уже через полгода она осела в коллекции какого-нибудь немца или, того хуже, нового русского, я не намерен. Однако, – будто спохватившись, сказал он уже другим тоном, – Петр Петрович, друг мой, соловья баснями не кормят!

– А я и не собирался, – с желчной усмешкой заверил его приятель, поднимаясь с дивана и запуская руку во внутренний карман своего дорогого твидового пиджака. При этом он иронически покосился на стоявшую посреди комнаты на треноге картину и хитро, заговорщицки подмигнул Ирине. – Это ты развел тут... антимионии. Вот, Ирина Константиновна, – продолжал он, вынимая из кармана и протягивая Ирине незапечатанный конверт, – не откажитесь получить за труды. Надеюсь, в дальнейшем мы с Дмитрием Васильевичем можем рассчитывать на вашу помощь?

Ирина заглянула в конверт. Там был ее обычный гонорар, и это ее вполне устраивало. Работа оказалась пустяковой, к тому же Ирина Андропова не любила, когда ей давали лишнее: это напоминало не то чаевые, не то плату за какие-то дополнительные секретные услуги – например, за выдачу заключения, устраивающего того, кто платит. Странно было лишь то, что платил Петр Петрович, только что с ее помощью выигравший у своего приятеля спор. За те деньги, что лежали в конверте, можно было купить сколько угодно коньяка, даже очень дорогого и старого.

– Мне доллар друг, но истина дороже, – правильно поняв ее замешательство, торжественно провозгласил Петр Петрович.

После этого Ирине оставалось только откланяться. Старики проводили ее до дверей, по очереди со старомодной галантностью поцеловали руку, и тяжелая, обшитая кожей дверь закрылась за ее спиной. Ирина услышала голос Петра Петровича, который с большим подъемом декламировал: «Сдвинем чашу с чашей дружно! Нынче пить еще досужно...»

Спортивная «хонда» Ирины ждала ее на стоянке напротив подъезда. Выйдя на крыльцо, Ирина нахмурилась: какой-то болван, приехавший позже ее, полностью загородил ей выезд, закупорив машину на стоянке, как пробку в бутылке, своим длинным черным «БМВ». Парочка старых чудаков, известных в кругах московских коллекционеров своей давней дружбой и некоторой эксцентричностью, мигом вылетела у нее из головы. Нет, в самом деле, что за хамство?! Как будто припарковаться больше негде...

Положение немного облегчалось тем, что вышеупомянутый болван – то ли сам водитель «БМВ», то ли его приятель – околачивался здесь же, у машины. Он стоял спиной к Ирине, беспечно привалившись задом к пыльному багажнику, курил и, задрвав голову, разглядывал густо забрызганные осенним золотом кроны старых берез и лип, что росли во дворе.

Ирина поджала губы. Человек, чей затылок она сейчас имела сомнительное удовольствие лицезреть, явно был не стар и далеко не беден, а следовательно, почти наверняка имел какое-то отношение к криминалу – если не прямо сейчас, то в прошлом. А среди этих типов попадаются такие, кому безразлично, женщина перед ним, старик или ребенок... Впрочем, среди законопослушных россиян, не избалованных избытком денег, хамы тоже не редкость, так что...

– Послушайте, – сказала Ирина, постаравшись хотя бы поначалу скрыть одолевавшее ее раздражение.

Человек обернулся, и раздражение Ирины Андроновой многократно усилилось. Она злилась на себя за то, что, кажется, рада видеть это лицо, самой заметной деталью которого, как всегда, были темные очки. Она злилась на него за то, что он заставил ее злиться на себя, и еще за многое, многое другое – за то, например, что отыскать его не было никакой возможности, а вот он нашел ее сразу же, как только ему этого захотелось. Ну, и, разумеется, за то, что загородил выезд со стоянки, полностью лишив ее возможности избежать разговора.

«Стоп, – подумала Ирина. – Ну а если бы не загородил? Если бы просто подошел и окликнул, тогда что? Сделала бы вид, что не услышала, прошла, как мимо пустого места, села бы в машину и укатила? То-то было бы красиво, то-то хорошо! Тебе тридцать, – напомнила она себе. В этом возрасте женщина не должна вести себя как пятнадцатилетняя дура, какими бы причинами это ни было вызвано».

«Не просто пятнадцатилетняя дура, – подсказал тоненький ехидный голосок откуда-то изнутри. – Как влюбленная пятнадцатилетняя дура, так будет вернее».

«Еще чего», – сердито подумала Ирина и, собрав в кулак все свое самообладание, улыбнулась, изобразив на лице легкое удивление.

– Глеб Петрович? – произнесла она тем особенным, до отвращения светским тоном, к которому прибегала всякий раз, когда намеревалась освежевать собеседника живьем и натянуть его шкуру на барабан. – Какая неожиданная встреча!

Глеб Сиверов, который успел неплохо изучить ее характер, слегка переменился в лице: ему был известен этот тон, и он уже понял, что радостной встречи боевых товарищей не получится. Он открыл рот, явно намереваясь произнести заготовленную заранее фразу, но Ирина не дала ему такой возможности.

– С удовольствием побеседовала бы с вами, – продолжала она все тем же обманчиво дружелюбным тоном, – но, к моему огромному сожалению, не располагаю временем. Скажите, вы всегда так паркуетесь?

– Э... – Сиверов был слегка сбит с толку этим великосветским «наездом».

– Полагаю, что нет, – продолжала Ирина, обворожительно улыбаясь, – иначе вам при всех ваших неоспоримых, выдающихся талантах давно свернули бы шею. Не будете ли вы так любезны отогнать ваше корыто на два-три метра в сторону, чтобы я могла наконец выехать со стоянки?

Сиверов издал какой-то странный звук, оставивший у Ирины довольно неприятное впечатление: Глеб Петрович, некогда представившийся охотником за головами, тихонько хихикнул и, не говоря ни слова, полез в свою машину. За руль он, однако, не сел, а, выбравшись из салона и распрямившись, протянул Ирине роскошный букет поздних астр.

– Ирина Константиновна, – сказал он, всем своим видом изображая раскаянье, – ну что вы, ей-богу? Кто старое помянет...

Ирина проигнорировала букет, хотя это оказалось неожиданно трудно. Тогда Сиверов обошел свою машину и торжественно возложил цветы на крышу красной спортивной «хонды». Ирине немедленно представилось, как она, по-прежнему не замечая этого подношения, садится в машину, включает задний ход и рывком выводит машину со стоянки. Цветы сползают по гладкому металлу крыши, сыплются на ветровое стекло, а оттуда на капот. Потом она резко крутит руль, послушная машина разворачивается почти на одном месте, несколько цветов падает на асфальт, а когда она переключает передачу и одним толчком педали бросает машину в открывшийся проезд, встречный поток воздуха сдувает с капота все остальное, и мохнатые звезды астр сыплются на пыльный асфальт...

Цветов было жаль, и Ирина снова, уже не в первый раз, подумала, что воображение не такой уж ценный дар, как это кажется тем, кто его лишен. Бывает, что это не дар, а проклятье, а то и просто досадная помеха, не дающая довести до конца задуманное дело – маленькую месть, например.

Сиверов смотрел на нее, облокотившись на крышу «БМВ» и положив подбородок на кулаки. Черные очки, как всегда, мешали правильно оценить выражение его лица, и Ирине пришлось напомнить себе, что это выражение ей совершенно безразлично. Этот человек вместе со своим драгоценным генералом Потапчуком использовал ее, а когда нужда в ней отпала, исчез без предупреждения, даже толком не попрощавшись. Почти год о нем ничего не было слышно, и вот, пожалуйста, – возник! Извольте радоваться...

– Честное слово, Ирина Константиновна, – сказал он, – вы нам очень-очень нужны!

– Уберите машину, – сухо потребовала Ирина. – Или я нужна вам настолько, что вы намерены действовать силой? Опять не можете отличить Шилова от Тициана?

Сиверов растянул губы в широкой улыбке, отдавая должное этой злой остроте.

– На самом деле все еще смешнее, – сообщил он, продолжая улыбаться. Из-за того, что Ирина не видела его глаз, она не могла понять, искренняя это улыбка или просто гримаса. А если гримаса, то какая именно – вежливая или оскорбительная... – Все гораздо смешнее, Ирина Константиновна, – повторил

он, – и намного, намного хуже. Впрочем, – добавил Глеб уже совсем иным, сухим и деловитым тоном, – не буду отнимать у вас время. Вы ведь страшно заняты, выступая арбитром в спорах выживших из ума стариканов, не знающих, чем себя развлечь. Вы не попробовали коньяк Дмитрия Васильевича? Напрасно, он наверняка дьявольски хорош.

Ирина задохнулась от возмущения. Оказывается, она уже успела забыть, что Глеб Петрович, когда считает это необходимым, умеет отвечать ударом на удар с силой и точностью профессионального снайпера.

– Вы... Вы что, опять за мной следили?!

– Не за вами, – коротко и, как показалось Ирине, пренебрежительно ответил Сиверов, садясь за руль.

Он включил двигатель. Ирина стояла в полуметре от машины, не столько думая, сколько чувствуя, что нанесенный Сиверовым ответный удар угодил в болезненное место. После событий, связанных с ограблением Третьяковки, обычная, нормальная жизнь, к которой она вернулась, казалась ей чересчур пресной. Ирина не хотела себе в этом признаваться, но бешеные гонки на спортивном автомобиле по запруженным транспортом московским улицам служили далеко не равноценной заменой тому, чем она занималась в компании Сиверова и Потапчука. Наверное, на Глеба она злилась больше всего именно из-за этого ощущения потери, хотя и понимала, конечно, что у него наверняка есть веские причины не давать о себе знать. Кто знает, где он был, что делал, скольких смертей избежал за то время, что они не виделись? Только он сам, да еще, может быть, его драгоценный Федор Филиппович, генерал ФСБ Потапчук...

Сквозь открытое окно машины было видно, как Сиверов неторопливо закурил и положил правую ладонь на рычаг автоматической коробки передач. Кажется, он действительно собирался уехать, так и не объяснив, зачем, собственно, приезжал. Ирина поняла, что ничего иного ждать просто не приходится: она ясно дала понять, что не желает с ним разговаривать, а Глеб Петрович Сиверов был не из тех, кто валяется в ногах, умоляя его выслушать, уж это-то Ирина поняла давно и усвоила крепко.

– Постойте, – хмуря брови, сказала она, и Сиверов повернул к ней непроницаемо спокойное лицо с блестящими черными стеклами вместо глаз. – Вы что же, так и

уедете?

- Ну да, - ответил он. - А что?

- А может, все-таки объясните, что вам от меня нужно?

Слепой пожал плечами.

- Помощь, - просто сказал он. - Разве я вам этого не говорил?

Он снова взялся за рычаг. Положительно, этот тип был невыносим.

- Какая помощь? - спросила Ирина. - Что произошло?

Сиверов снял руку с рычага и почесал переносицу под дужкой очков.

- Видите ли, Ирина Константиновна, - сказал он, - ответить на ваш вопрос я могу только после того, как получу ваше согласие снова работать с нами. Не обижайтесь, такова специфика данного дела.

- Пропади она пропадом, ваша специфика! - в сердцах воскликнула Ирина. - Разводите секреты на каждом шагу... В конце концов, если это дело по моей части, я и без вас узнаю, что произошло!

- Сомневаюсь, - сказал Сиверов. - Суть дела такова, что лица, к нему причастные, вряд ли станут откровенничать с кем бы то ни было. Даже с вами.

Он сунул дымящуюся сигарету в зубы и опять, черт бы его побрал, потянулся к рычагу, делая вид, что собирается уехать. Во всяком случае, Ирина была уверена, что он только делает вид... ну или почти уверена.

- Собственно, вы правы, - не выпуская изо рта сигареты, снова заговорил Глеб. - Помощь, которую вы могли бы нам оказать, носит сугубо консультативный характер, а проконсультироваться, в конце-то концов, мы с Федором Филипповичем можем у кого угодно. Правда, придется говорить обиняками во избежание утечки информации, газетной шумихи и крупного скандала, но с этим мы как-нибудь справимся. Я сразу ему сказал, что вы откажетесь, но он почему-

то вбил себе в голову, что с некоторых пор мы с вами, видите ли, коллеги. Кстати, вам от него привет.

– Спасибо, – машинально поблагодарила Ирина.

– Словом, вот вам его контактный телефон, – продолжал Глеб, протягивая ей белую карточку, на которой не было ничего, кроме номера мобильного. – Если передумаете – позвоните. На размышления у вас часа полтора, после этого ни его, ни меня уже не будет в городе. Счастливо оставаться, Ирина Константиновна!

Он наконец передвинул рычаг. Ирина отступила, держа в руке карточку, тонированное оконное стекло поднялось, скрыв от нее сидящего за рулем Сиверова, и длинный черный «БМВ», мягко тронувшись с места, почти беззвучно покотился по усеянному опавшей листвой асфальту.

Проводив его взглядом, Ирина подошла к своей машине, взяла лежавший на крыше букет и, не удержавшись, погрузила лицо в душистую прохладу фиолетовых, белых и розовых лепестков.

* * *

Владимир Яковлевич Дружинин остановил машину в условленном месте и огляделся. Двигатель едва слышно шелестел на холостом ходу, к серебристому капоту пристал желтый кленовый лист. На тротуаре, отделенном от проезжей части вытоптанном газоном, царила обычная для этого места толчея; чуть поодаль, у ларьков, торговавших пивом и хот-догами, гомонили перемазанные майонезом и кетчупом любители жрать с газеты. Владимир Яковлевич закурил и посмотрел на часы. Было без минуты шесть, к городу уже начали исподволь подкрадываться ранние осенние сумерки; после трех проведенных сегодня операций хотелось расслабиться, отдохнуть, но доктору Дружинину предстояло еще одно дело, отложить которое он не мог.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль, не раньше и не позже, через металлическое ограждение проезжей части рядом с машиной Дружинина перелез мальчишка лет восьми или девяти. Он был низкорослый, щуплый, одет в мешковатую куртку размера на четыре больше, чем ему требовалось, просторные, сильно потертые

джинсы и замызганные белые кроссовки. Козырек бейсболки был надвинут на лоб, из-под козырька поблескивали большие солнцезащитные очки, а нижнюю часть лица он прятал в поднятом воротнике куртки, так что наружу торчал только короткий, нахально вздернутый нос. Глядя на него, можно было подумать, что пацан либо играет в шпиона, либо просто прячет от глаз прохожих полученные в какой-нибудь потасовке синяки.

В том, как он двигался, было что-то странное, но никто не обращал на это внимания. Люди предпочитают не замечать вот таких, скверно одетых, прячущих лицо детей до тех пор, пока эти дети не делают попытки забраться к ним в карман, особенно в больших городах с их многотысячными армиями беспризорников. Поэтому прохожие не замечали мальчишку; Владимир Яковлевич, который разглядывал мальчика в упор сквозь тонированное стекло своего «доджа», тоже не особенно его разглядывал, поскольку точно знал, кто перед ним.

Мальчик приблизился к машине, без колебаний открыл переднюю дверь и, не спросив разрешения, даже не поздоровавшись, уселся на сиденье рядом с водителем. Дружинин сразу же тронул машину с места, набрал скорость и свернул за угол.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, – ответил мальчик.

Голос у него тоже был странный – не детский, но и не взрослый, какой-то писклявый и дребезжащий, как на граммофонной пластинке, пущенной со слишком высокой скоростью.

– А ты уверен, что за тобой не было хвоста?

Мальчик блеснул в его сторону темными стеклами очков.

– Не учи отца детишек делать, – непочтительно заявил он своим странным голосом. – У тебя своя работа, а у меня своя. То, что я до сих пор на свободе, означает, что я свою работу делаю хорошо. Поэтому не лезь ко мне с дурацкими вопросами, подумай лучше, как тебе выполнить свою.

Эта резкая отповедь немного успокоила доктора Дружинина.

– Плохо, что место людное, – проворчал он, перестраиваясь в левый ряд. – Сто человек видели, как ты садился ко мне в машину...

– Не парься, Айболит, – сказал ему мальчик. – Никто ничего не видел, а если и видел, то подумал, что ты из этих... – он тоненько, неестественно захихикал. – Ну, ты понимаешь. Из педофилов, которые по мальчикам... Черт, курить до смерти охота! Ты не возражаешь?

– Кури, – рассеянно разрешил Владимир Яковлевич, напряженно следя за светофором.

Под размеренное щелканье реле указателя поворота мальчик раздернул молнию куртки и снял темные очки. Лицо у него было маленькое, пухлое и бледное, с преждевременными морщинками вокруг не по-детски тусклых глаз и тонкими бледно-лиловыми губами. Рука, которая была детской разве что по размеру, но никак не по пропорциям, сунула в эти бледные губы казавшуюся непомерно большой сигарету и чиркнула колесиком дорогой золоченой зажигалки.

– Жалко, что ты мне не можешь сантиметров семьдесят роста прибавить, – окутываясь облачком дыма, заявил лилипут и поудобнее расположился на слишком просторном для него сиденье. – Тогда лицо можно было бы даже и не трогать. А может, твоя медицина может меня немного растянуть? Ну, сантиметров на пятьдесят хотя бы, пусть даже на сорок... А?

– Ты соображаешь, что несешь? – сказал Дружинин. На светофоре зажегся желтый, и рычащая, окутанная ядовитым облаком выхлопных газов стальная лавина сорвалась с места, на ходу разделяясь на три потока – направо, налево и прямо. Владимир Яковлевич повернул налево. – Какие сорок сантиметров?! Сантиметров десять-пятнадцать, не больше, и только за счет увеличения длины ног. Это будет очень долго, больно и жутко дорого. А главное, бессмысленно. Ты все равно останешься лилипутом с неестественно длинными ногами.

– При моем росте даже десять сантиметров – это уже плюс, – заметил пассажир, грызя фильтр сигареты. Зубы у него были мелкие, прокуренные и испорченные. – Но ты прав, для дела это значения не имеет. Надо менять вывеску.

– Уезжать тебе надо, – сказал Дружинин. – За границу. А не вывеску менять...

– За границей Интерпол, – возразил лилипут. – Ради такого дела они весь мир на уши поставят. Что же мне теперь, абонировать сейф в швейцарском банке, залезть туда, запереться изнутри и сидеть до конца жизни?

– Это было бы неплохо, – не удержавшись, заметил Владимир Яковлевич.

– Тебе, может, и неплохо, а вот у меня на этот счет другая точка зрения. Кроме того, согласишься, при моей внешности отказываться от бесплатной пластической операции глупо.

Владимиру Яковлевичу удалось не поморщиться при слове «бесплатная». Потом он вспомнил, где бывает бесплатный сыр, но легче ему от этого не стало: одно другого стоило...

Он свернул в боковой проезд, чтобы объехать пробку. Здесь было посвободнее, и он увеличил скорость.

Лилипут наконец заметил, что они едут куда-то не туда.

– Эй, ты куда меня везешь? – спросил он, беспокойно вертя головой и вытягивая шею, чтобы лучше видеть.

– А ты куда хотел? – хладнокровно поинтересовался Дружинин.

– Как «куда»? В клинику!

– А может, сразу в следственный изолятор? Ты подумал, сколько в клинике лишних глаз? Прости, конечно, но мне как-то не хочется, чтобы нас видели вместе.

– А оперировать меня ты в подворотне собираешься?

– А оперировать тебя, – ответил ему Владимир Яковлевич, – я собираюсь на даче. Я там уже все оборудовал. Не так, как в клинике, конечно, ничего лишнего там нет, но для дела вполне достаточно.

– Вот почему ты так долго тянул с операцией, – понимающе произнес лилипут. – Ну, ты перестраховщик!

– Береженого Бог бережет, – возразил Владимир Яковлевич. – Не хотелось бы лишний раз задевать твое самолюбие, но ты чересчур заметен. Прооперировать тебя в клинике – так весь персонал еще десять лет будет вспоминать, как лилипуту новое лицо делали, и трепаться об этом по всему Питеру. Тебе это надо? Мне – нет.

– Мне тоже, – согласился лилипут. – Это не та слава, о которой стоит мечтать.

Доктор Дружинин повернулся к нему и некоторое время внимательно вглядывался в маленькое, пухлое и сморщенное личико, затененное засаленным козырьком ярко-красной бейсбольной кепки.

– А ты мечтаешь о славе? – спросил он, снова переводя взгляд на дорогу.

– А кто о ней не мечтает? – спокойно произнес лилипут своим дребезжащим голоском. – Славы, как и денег, никогда не бывает достаточно. Вот ты, к примеру. Тебя вся Россия знает, за бугром твое имя тоже не пустой звук, а тебе все неймется...

– Неймется, это ты правильно заметил, – вздохнул Дружинин. – Я и сам думаю иногда: ну чего мне неймется? За каким дьяволом мне понадобилось ввязываться в это дело?

– Потому что ты жадный, – сообщил ему лилипут.

– Допустим, – не стал спорить Владимир Яковлевич, с некоторым удивлением отметив про себя, что этот разговор его заинтересовал. – Со мной мы разобрались. Ну а ты? Если тебе так нужна слава, так чего тебе в твоём цирке не сиделось? Афиши, аплодисменты, цветы... Насколько мне известно, цирк лилипутов всегда собирает аншлаги.

Лилипут старательно затушил в пепельнице окурок и сразу же закурил опять. Когда он заговорил, голос его уже не дребезжал, а скрипел, как несмазанная дверная петля.

– Аншлаги, – произнес он с горечью и отвращением. – Аплодисменты... Ты ходил когда-нибудь на эти представления?

– Нет, – честно признался Владимир Яковлевич. – Я вообще не люблю цирк. Есть в нем что-то противоестественное...

– Верно, – подтвердил его собеседник. – А цирк лилипутов вдвойне. Никаких особенных чудес силы и ловкости там не увидишь, там только одно чудо – мы сами. И люди идут в цирк лилипутов затем же, зачем они приходят в Кунсткамеру, – поглазеть на забавных уродцев, на шутов, которые валяют дурака на арене просто потому, что забыли стыд и за деньги готовы на любое унижение.

Доктор Дружинин с трудом сдержал ухмылку. «Ишь ты, – подумал он. Надо же, какое кипение страстей!»

– Ну, не знаю, – сказал он вслух. – Ты ведь, насколько мне известно, не просто ездил по сцене на трехколесном велосипеде. Ты же профессиональный акробат! И, говорят, очень неплохой.

– Знал бы ты, чего мне стоило им стать, – с прежней горечью произнес лилипут. – Думал, сделаю номер, чтоб не стыдно было на люди показаться... А людям моя акробатика до лампочки, они пришли на уroda посмотреть, пальцем в него потыкать, посмеяться... Им все равно, стишки я рассказываю, катаюсь на трехколесном велосипеде или кручу тройное сальто-мортале... Чем такая слава, лучше удавиться!

За окнами машины быстро темнело, вдоль улиц редкими цепочками зажглись фонари, и Владимир Яковлевич включил фары.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Раз у нас с тобой пошел такой разговор, объясни мне, пожалуйста, что ты получил взамен. Твои теперешние коллеги – народ грубый, в выражениях они не стесняются...

– А я тоже грубый, – заявил лилипут. В его маленькой руке неожиданно появился пружинный нож, тусклое, сточенное лезвие со щелчком выскочило из рукоятки, и даже со стороны, на глаз, было видно, какое оно острое. – Если кому охота

посмеяться над уродом, я это в два счета могу устроить. Чик – и ты обеспечен весельем на всю оставшуюся жизнь. Как глянешь в зеркало, так и засмеешься. Уродами не только рождаются, иногда ими становятся. Кто-то становится живым уродом, кто-то – мертвым. Тут уж кому как повезет.

Снова послышался металлический щелчок, и нож исчез, словно его и не было.

– Так мы с тобой, оказывается, коллеги, – усмехнулся доктор Дружинин. – Ты у нас, выходит, тоже пластический хирург, только наоборот...

– Ага, – подтвердил лилипут. – Так что ты уж постарайся сделать все как надо. А то, если что, я тебя тоже прооперирую.

– Уймись, – посоветовал Дружинин. – Если я берусь за работу, я делаю ее на всю катушку, что называется, до упора. Просто не умею по-другому... Алена Делона из тебя, конечно, все равно не получится, но... В общем, я там, у себя, смоделировал на компьютере что-то вроде твоего будущего портрета... Не желаешь взглянуть?

Он вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист компьютерной распечатки и протянул лилипуту. Тот недоверчиво хмыкнул, развернул бумагу и стал с любопытством разглядывать изображенное на ней лицо, по которому пробежали полосы света и тени от уличных фонарей и фар встречных автомобилей.

– Действительно, не Ален Делон, – сказал он наконец, возвращая бумагу Дружинину.

– Оставь себе, – сказал тот, – потом сравнишь... Не красавец, конечно, зато ни малейшего сходства с твоей теперешней физиономией. Обрати внимание, я даже форму ушей немного изменил, так что никакой компьютер тебя не узнает, не говоря уж о родной маме.

К загородному дому доктора Дружинина они подъехали уже в полной темноте. Фары осветили железные ворота в высоком кирпичном заборе, верхний край которого сверкал и переливался острым бутылочным блеском. Порывшись в бардачке, Владимир Яковлевич отыскал пульт дистанционного управления, и тяжелые створки с негромким рокотом начали расходиться в стороны, открывая

проезд.

- Ого, - оценил это новшество лилипут. - К черту славу, когда есть такие бабки!

- У налоговой полиции ко мне претензий нет, если ты это имеешь в виду, - сказал доктор Дружинин, загоняя машину во двор.

- Они просто не знают об операциях, которые ты проводишь здесь, - заметил лилипут.

- Ну, мы же их за это простим, правда? - улыбнулся Владимир Яковлевич. - Невозможно знать все на свете.

Через темный двор вела гладкая, выложенная цементной плиткой дорожка, упиравшаяся в запертые ворота гаража. Как только машина, шурша опавшей листвой, покатила к гаражу, по обеим сторонам дорожки зажглись неяркие матовые плафоны, а гаражные ворота плавно поползли вверх. В гараже вспыхнул свет, и сейчас же на первом этаже мягко озарились окна гостиной.

- Ого, - повторил лилипут. - Это что, тоже автоматически?

- Я мог бы сказать «да», - с улыбкой ответил Дружинин, - но это была бы просто шутка. На самом деле нас встречают.

- Кто? - насторожился лилипут.

- Ты же не рассчитываешь, что я стану делать такую сложную операцию один, без помощника? - довольно туманно ответил Владимир Яковлевич, загоняя машину в гараж.

Он заглушил двигатель, вышел из машины и повернул установленный на стене переключатель. Зажужжал невидимый электромотор, и пластинчатые ворота начали опускаться.

- Есть хочешь? - спросил Дружинин у своего пациента, позвякивая связкой ключей, возникшей из кармана брюк.

- Нет.

- Это хорошо, потому что тебе сейчас нельзя.

- Это еще почему? – удивился лилипут. – Ты же не собираешься копать у меня в кишках?

- Не собираюсь, – признал Владимир Яковлевич. – Но выгребать из-под тебя дерьмо и следить, чтобы ты не захлебнулся собственной блевотиной, я тоже не намерен. Общий наркоз – это, брат, такая штука... Короче, если ты не против, я хотел бы начать прямо сейчас. Операцию придется делать в несколько этапов, так что, как говорят твои коллеги, раньше сядешь – раньше выйдешь.

- Согласен, – решительно сказал лилипут. Было видно, что он с трудом преодолевает волнение. – Только садиться я не собираюсь. В зоне мне, сам понимаешь, делать нечего.

- Да уж, – согласился Дружинин, – такому, как ты, в зоне не позавидуешь.

Он наконец выбрал из связки нужный ключ, отодвинул стоявшую на полке в углу пластмассовую банку с моторным маслом и сунул ключ в спрятанную за ней замочную скважину. Что-то щелкнуло, и битком набитая полка легко и беззвучно повернулась на скрытых шарнирах, открыв узкий наклонный проход с бетонным перекрытием и стенами, грубо и неряшливо сложенными из красного кирпича.

Владимир Яковлевич повернул выключатель, и на потайной лестнице стало светло.

- Ну и ну, – сказал лилипут. – Прямо как в приключенческом романе! Темная ночь, потайные ходы...

- А как же ты хотел? – пожав плечами, откликнулся Владимир Яковлевич. – Обычно такие операции на дому не проводят. Минздрав не одобряет, и вообще... Тебе придется провести здесь месяца два, если не все полгода, и, повторяю, я вовсе не хочу, чтобы тебя кто-то увидел. Не волнуйся, там у меня уютно, есть все, что надо, кроме разве что окон.

– Полгода? – лилипут остановился на верхней ступеньке лестницы. – Что значит «полгода»?

Дружинин тоже остановился и посмотрел на него снизу вверх.

– Послушай, – сказал он. – Мне придется в буквальном смысле разобрать твое лицо на куски, а потом снова собрать. Я буду резать хрящи, ломать и по-новому сращивать кости... Ты думаешь, с такой работой можно справиться за час? Ты думаешь, что через день после операции будешь как новенький? Медицина умеет творить чудеса, но не так, – он щелкнул пальцами, – а постепенно... Слушай, какой-то ты дерганный... Может, передумал?

– Хрен дождешься, – сказал лилипут, и эта грубость, произнесенная дребезжащим голосом пущенной на слишком большой скорости грампластинки, прозвучала неуместно и жалко.

Внизу лилипут придирчиво осмотрел отведенные ему апартаменты, недовольно пожевал губами, но от комментариев воздержался. Зато импровизированная операционная привела его в явное замешательство.

– Это что? – спросил он, обводя беспокойным взглядом комнату с низким бетонным потолком и грубо оштукатуренными стенами, посреди которой стоял обыкновенный кухонный стол, накрытый зеленой больничной клеенкой. Над столом с потолка свисала архаичная бестеневая лампа, явно унесенная с какого-то склада списанного медицинского оборудования, рядом стоял накрытый белой крахмальной салфеткой хирургический столик для инструментов, а в углу приткнулась ветхая больничная кушетка, тоже клеенчатая, но не зеленая, а коричневая. – Это и есть операционная?

– Бедновато, да? – усмехнулся Дружинин. – Чудак ты, ей-богу. Главное оборудование – вот, – он показал лилипуту свои руки с длинными и чуткими, как у пианиста, пальцами. – А все остальное – антураж, приманка для толстосумов, цирковой реквизит. Снимай свое тряпье, клади на кушетку. Выпить хочешь?

– А разве можно? – спросил лилипут, расстегивая куртку. Он выглядел испуганным и подавленным, как всякий человек, столкнувшийся с необходимостью прямо сию минуту, не откладывая, лечь под нож хирурга.

– Вообще-то, не рекомендуется, но тебе не помешает. Просто для успокоения... А то в твоём теперешнем состоянии тебя никакой наркотик не возьмет.

Он вышел в соседнюю комнату и вернулся со стаканом.

– Это что? – спросил лилипут, подозрительно нюхая коричневую жидкость.

– Не бойся, не касторка. Коньяк, и притом отменного качества.

– Лучше бы водки принес, – проворчал лилипут и залпом осушил стакан.

Глаза у него заблестели, на бледных щеках вспыхнул лихорадочный румянец, лиловые губы порозовели и увлажнились. Для такого малыша доза была великовата, зато он прямо на глазах расслабился и перестал озираться, как дикий зверь в клетке.

– Раздевайся, – предложил Дружинин. – Тут тепло, не бойся... Я сейчас.

Он вышел и через некоторое время вернулся в зеленом хирургическом балахоне, держа на отлете обтянутые латексом ладони с растопыренными пальцами. Лилипут сидел на краю кушетки в одних трусах, и Владимиру Яковлевичу пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвести взгляда: если его пациент даже в одежде выглядел странно, то без одежды разительное несоответствие между взрослыми пропорциями и детским ростом буквально резало глаз.

Вслед за Дружининым в помещение бесшумно вплыла еще одна фигура в бесформенном хирургическом балахоне и марлевой маске.

– Познакомься, это Анна Карловна, – сказал Владимир Яковлевич. – Она будет мне ассистировать. Не волнуйся, ей можно доверять.

Несмотря на выпитый коньяк и необычность обстановки, лилипут заметил, что Дружинин в присутствии своей ассистентки говорит о ней, как о домашнем животном. Да и взгляд, брошенный Анной Карловной на доктора поверх марлевого намордника, был полон собачьей преданности.

Пациента уложили на покрытый холодной клеенкой стол. Он невольно поежился, его сероватая кожа покрылась пупырышками. Анна Карловна туго перетянула резиновым жгутом его левую руку повыше локтевого сгиба и, откинув салфетку, взяла с инструментального столика заранее наполненный шприц.

- Что это? – забеспокоился лилипут.

- Наркоз, – ответил Дружинин. Голос его прозвучал как-то непривычно глухо – возможно, из-за марлевой повязки. – А ты думал, мы тебя хлороформом душить станем? Нет уж, оставим это варварство для районных больниц. Не волнуйся, на иглу ты у нас не подсядешь, это я тебе гарантирую.

Пациент расслабленно откинул голову на жесткий клеенчатый валик и вдруг резким движением приподнялся на локтях, заставив уже нацелившуюся иглой в вену Анну Карловну едва заметно вздрогнуть и отступить.

- К черту славу, – сказал он Дружинину. – Знаешь, чего я на самом деле хочу? Купить домик где-нибудь на берегу Ла-Манша, поселиться там и ни о чем не думать...

- А почему именно Ла-Манша? – спросил Дружинин, перебирая лязгающие инструменты, которые отсвечивали ярким серебром в свете бестеневой хирургической лампы. – Учти, там климат отвратительный. Сыро, промозгло...

- Плевать, – сказал лилипут. Под воздействием алкоголя язык у него слегка заплетался, глаза лихорадочно поблескивали. – Зато спокойно, и никому ни до кого нет дела.

- Хозяин – барин, – согласился Владимир Яковлевич. – Ла-Манш так Ла-Манш, хотя я предпочитаю Калифорнию или хотя бы Апеннины... Ты давай ложись, не тяни время.

Лилипут покорно улегся, щуря глаза от режущего света. Доктор Дружинин кивнул, и Анна Карловна, склонившись над маленьким, по грудь укрытым простыней тельцем, аккуратно и точно ввела в набухшую вену холодное острие иглы.

Глава 3

– Это чудовищно, – сказала Ирина Андропова. – Это просто невообразимо! Это невозможно, в конце концов! Мне легче поверить в то, что это чья-то глупая шутка, идиотский розыгрыш...

– Чья же, по-вашему, это может быть шутка? – спросил генерал Потапчук. Он сидел в старинном резном кресле у занавешенного тяжелой портьерой окна и с нескрываемым сочувствием смотрел на Ирину.

– Не знаю, – резко ответила она. – Хотя бы и ваша...

– Должен вам заметить, Ирина Константиновна, – сказал Потапчук, – что пошутить подобным образом не может даже Президент России, не говоря уж о скромном генерале ФСБ. Тамошняя братия порвет в клочья любого, невзирая на чины и ранги, кто посмеет хотя бы заикнуться о возможности подобной шутки. Я уже говорил с ними. Это очень милые, интеллигентные люди, но в сложившейся ситуации чувство юмора им, похоже, изменило. Им почему-то не смешно. Да и мне, признаться, тоже...

Сиверов молчал и, заложив руки за спину, разглядывал висевшие на стенах картины. Зная его полное равнодушие к живописи, можно было только гадать, что он там высматривает. Темные очки по-прежнему поблескивали у него на носу, и из-за них картины, наверное, казались ему черно-белыми, монохромными, как какому-нибудь коту.

– К тому же, – продолжал Федор Филиппович, – картину сняли со стены при вас, так что ни о каком розыгрыше не может быть и речи, равно как и об ошибке...

– Тогда я сплю, – упрямо ответила Ирина, – и вижу скверный сон.

– Да, сон скверный, что и говорить, – вздохнул генерал.

Они сидели в питерской квартире покойного профессора искусствоведения Андропова, отца Ирины, чья смерть когда-то послужила поводом для ее

знакомства с Потапчуком и Сиверовым. Ирина не была здесь почти год, поручив все заботы о квартире и отцовской коллекции домработнице. Она была почти уверена, что не сумеет войти в комнату, где был убит отец, но сейчас те события отошли на второй план, заслоненные новым, действительно невообразимым происшествием.

Сиверов, бесшумно ступая по толстому ковру, прошелся перед загроможденными книгами по искусству и антикварными безделушками полками, подошел к окну и, слегка отодвинув портьеру, выглянул наружу. За окном шумел Невский, плыли под моросящим питерским дождиком разноцветные пятна зонтов, похожие сверху на грибные шляпки, перспектива терялась в ненастной мгле.

- Погода - дрянь, - сообщил он, опуская портьеру. - Не люблю Питер. Дернуло же царя-батюшку возводить столицу в таком гиблом месте!

Ирина сердито сверкнула в его сторону глазами, а Федор Филиппович поднес ладонь к лицу, делая вид, что у него зачесался нос, а на самом деле маскируя улыбку. Глеб геройски вызывал огонь на себя, чтобы вывести Ирину из этого ошеломленного, совершенно недееспособного состояния и, когда отгремят залпы, наконец-то перейти к делу.

Впрочем, залпа не последовало. Ирина Константиновна не то сообразила, что у Сиверова на уме, не то сама пришла к выводу, что охами и ахами делу не поможешь. Как бы то ни было, она решительным жестом придвинула к себе пепельницу и достала из сумочки сигареты.

Пепельница была массивная, вычурная и явно очень старая, но начищенная домработницей литая бронза сверкала, как полированное золото, и, поглядевшись в нее, можно было увидеть свое неузнаваемо искривленное, как в комнате смеха, отражение.

Сиверов щелкнул зажигалкой, Ирина рассеянно кивнула в знак благодарности и нервно затаилась. Федор Филиппович заметил, что она избегает смотреть на стол, где лежала картина.

То есть не совсем картина, а точнее - совсем не картина.

– Хорошо, – сказала Ирина сухим, деловитым тоном. – Будем считать, что истерика закончилась. Теперь скажите, пожалуйста, если это не секрет, зачем вы меня пригласили. Неужели только для того, чтобы испортить настроение? Думаю, вы способны отличить дешевую фоторепродукцию, приобретенную в сувенирном киоске у входа в Эрмитаж, от подлинной картины даже без помощи дипломированного искусствоведа. В сыском деле я ничего не смыслю, искусствовед вам ни к чему, тогда зачем вы меня сюда привезли?

– Похищение подлинника да Винчи не банальная кража, – миролюбиво произнес Потапчук. – Признаться, мы пребываем в той же растерянности, что и вы. Как и вам, нам непонятно, каким образом кто-то ухитрился так ловко и дерзко обчистить Эрмитаж. И если техническую сторону дела, пусть и с трудом, все-таки можно вообразить, то представить, кто мог на это отважиться, я, хоть убейте, не в состоянии. И здесь, Ирина Константиновна, нам без вас не обойтись. В кругах коллекционеров и людей искусства вы как рыба в воде...

– Коллекционеры отпадают, – перебила его Ирина. – Да Винчи не коллекционируют, это все равно что коллекционировать атомные ледоколы или небесные тела. Продать картину да Винчи, особенно такую известную... Да что я говорю, у него нет неизвестных работ! Любая из них тысячу раз сфотографирована, описана и растиражирована в миллионах репродукций, так что на свете не найдется ни одного болвана, который согласился бы ее купить. Единственное предположение, которое приходит мне в голову, – маньяк-одиночка, вроде того, что несколько лет назад украл из Лувра «Джоконду». Он держал ее у себя дома, в чемодане под кроватью, и иногда вынимал, чтобы полюбоваться...

– Да, – сказал Федор Филиппович, – та история с «Джокондой» приходит на ум в самую первую очередь. Но в том-то и дело, что о ней все помнят! Такие уроки не забываются, и благодаря тому происшествию в системе охраны крупных музеев по всему миру произошли кардинальные изменения. Притом, заметьте, исчезновение «Джоконды» из Лувра было замечено практически сразу. А сколько на месте «Мадонны Литта» провисело вот это, – он приподнял за уголок и слегка встряхнул лежавшую на столе фоторепродукцию упомянутой картины, – можно только гадать.

Сиверов, который опять стоял у окна, глядя на улицу, обернулся и некоторое время смотрел на репродукцию задумчивым, невидящим взглядом. Ирине показалось, что он хочет что-то сказать, но Глеб промолчал и вновь отвернулся к

окну.

– Вы совершенно правы, Ирина Константиновна, – продолжал генерал, – когда говорите, что это невообразимо. Действительно, дело отдает какой-то мистикой. Современнейшие системы сигнализации и видеонаблюдения ничего не зафиксировали, исчезновение картины обнаружилось только случайно, благодаря стечению глупейших обстоятельств. В результате экскурсовод, которая первой заметила подмену, сейчас лежит в реанимации после обширного инфаркта, картины нет и, как она исчезла, никто даже предположить не может. Такой фокус сродни волшебству, и я вас уверяю, что маньяку-одиночке он не под силу.

Сиверов снова обернулся с явным намерением что-то сказать. У него даже губы шевельнулись, но он снова промолчал, и Ирина решила, что уважаемый Глеб Петрович просто подавляет желание отмочить очередную неуместную шутку. Это была в высшей степени похвальная сдержанность: Ирина чувствовала, что ей, как и посвященным в это дело сотрудникам Эрмитажа, вдруг изменило чувство юмора и что на любую шутку по поводу исчезнувшей мадонны она отреагирует так, что у шутника надолго пропадет охота веселить публику.

– Судите сами, – говорил между тем Федор Филиппович, не замечая странного поведения своего подчиненного. – Для начала преступнику нужно было получить доступ к системам слежения и охраны, отключить сигнализацию и что-то сделать с камерами наблюдения – либо выключить на время, либо подсунуть фальшивую запись. Это само по себе непросто. А если еще учесть, что в это самое время нашему маньяку-одиночке нужно было каким-то образом проникнуть в музей, извлечь из-под бронестекла картину, подменить ее репродукцией и незаметно скрыться, приходится признать, что никаким одиночкой в этом деле даже и не пахло. Тут поработала хорошо организованная группа. Я бы сказал, группа специалистов, каждый из которых отвечал за свой участок работы.

– Но это же бессмыслица! – воскликнула Ирина.

– Это почему же? – с выражением живейшего интереса осведомился генерал.

– Группа, как вы выразились, специалистов вряд ли работала из каких-то идейных соображений. Этим вашим специалистам в музеях не нужно ничего,

кроме денег, а превратить «Мадонну Литта» в деньги невозможно: у нее нет рыночной стоимости и покупателя на нее тоже нет. Люди, у которых хватило ума вынести из Эрмитажа картину да Винчи, не могли этого не понимать! Вообще, мне всегда казалось, что такие люди работают на заказ...

Она осеклась и умолкла, поняв, что противоречит сама себе.

Федор Филиппович невесело усмехнулся.

– Видите, какая каша получается, – сказал он. – Взять картину было некому, но ее взяли. Заказать это ограбление тоже, казалось бы, некому, но кто-то ведь его заказал! Да, картины Леонардо не коллекционируют – по крайней мере, еще никто вслух, публично не признался, что этим занимается. Так мало ли в чем порой не признаются люди! Разумеется, мы станем искать заказчика. Но мне почему-то кажется, что с вашей помощью мы найдем его намного быстрее. Даже самые запутанные и сложные дела порой помогает раскрыть вовремя услышанная сплетня... Вы понимаете, о чем я говорю?

– В общем, да, – сказала Ирина. – Не думаю, что у меня хоть что-то получится, о таких делах в салонах не болтают, но я обязана хотя бы попытаться что-то узнать...

– Только очень, очень осторожно, – попросил Федор Филиппович.

– Ну, разумеется.

– А ты, Глеб Петрович, – сказал генерал, – займись сотрудниками музея. Начать советую с охраны, потому что сигнализация...

Сиверов наконец отвернулся от окна и стал, скрестив на груди руки и привалившись задом к подоконнику.

– Не думаю, что этим стоит заниматься, – объявил он.

– То есть как это «не стоит»? – изумился Потапчук. – Чем именно, по-твоему, нам не стоит заниматься – проверкой охраны или поисками картины? Может, ну ее, в самом деле, в болото? Какая нам разница, где она висит?

– Я имел в виду проверку охраны, – сказал Сиверов, не обратив внимания на прозвучавший в словах Федора Филипповича сарказм. – Это пустая трата времени, охрана ни при чем. Я знаю, кто украл «Мадонну».

Ирина вторично на протяжении суток испытала шок. Она посмотрела на Потапчука и удивилась еще больше: вместо того чтобы рассердиться на глупую шутку или, наоборот, обрадоваться осведомленности своего подчиненного, который, не сходя с места, раскрыл преступление века, Федор Филиппович, казалось, погрузился в глубокую задумчивость. Он сидел опустив голову и тербил кончик носа.

– Так, – бормотал он, вторя собственным мыслям, – так-так-так... А если так?.. Тогда... ага... Да, – сказал он наконец, подняв голову, – похоже, все сходится. Вот наглецы!

– Не то слово, – кивнул Сиверов. – Как они нас, а?

Ирина наконец обрела утраченный было дар речи.

– Погодите, – сказала она. – Что все это значит? Вы сказали, что знаете...

– Кто украл картину, – закончил за нее Сиверов. – Да, знаю.

– И кто же?

– Я, – сказал Слепой. – Точнее, мы с Федором Филипповичем.

* * *

Утро выдалось ясное и холодное, хотя заморозков пока не было. Солнце еще не взошло, но небо уже налилось яркой голубизной. Над головой, лоя расправленными крыльями первые утренние лучи, с пронзительными криками кружились чайки. Птиц было несметное количество, как будто высокий земляной вал, у подножия которого стояли Егорыч с Петрухой, ограждал не полигон для складирования твердых бытовых отходов – попросту говоря, свалку, – а морской берег, на котором Егорыч бывал в незапамятные времена своей счастливой юности, а молодой Петруха и вовсе никогда не был.

Егорыч выудил из кармана прожженной и засаленной куртки зажатый с вечера бычок, ловко прикурил от спички и задымил, как паровоз, задумчиво следя за полетом птиц, сменивших водную стихию на сытое раздолье мусорных гор. Ему вдруг подумалось, что раскинувшийся перед ним пейзаж напоминает, наверное, Голландию, которая почитай что вся расположена ниже уровня моря и защищена от затопления дамбами. А еще, говорят, в Новом Орлеане такая же история – тоже дамбы и тоже ниже уровня моря... «Ох, затопит их когда-нибудь, – подумал Егорыч, экономно присасываясь к коричневому от проступившей сквозь влажную бумагу табачной смолы окурку, – как пить дать затопит! Дунет ветер посильнее, волна поднимется, и пишете письма мелким почерком – на дно морское, до востребования...»

Насчет дамб и уровня моря он буквально накануне прочел в подобранной здесь же, на свалке, газете и до сих пор переживал за обитателей далеких заморских стран, которые не нашли себе лучшего места для жизни, чем какие-то котловины, постоянно находящиеся под угрозой полного затопления. А то еще на склонах вулканов селятся, как будто на земле места мало!

Егорыч вечно переживал за кого-нибудь – в основном за тех, кто жил далеко от него и кого он, Егорыч, сроду в глаза не видел и увидеть не рассчитывал. Душа человеческая так устроена, что непременно ей требуется за кого-то переживать – неважно, грустить или радоваться, лишь бы переживать. Покуда душа переживает, можно не сомневаться, что она еще не выветрилась; а за кого переживать – неважно, хоть бы и за себя. За себя переживать Егорычу было поздно: жизнь его окончательно сложилась и устоялась, конец ее просматривался впереди очень даже отчетливо, и такая определенность старика вполне устраивала. А за тех, кто его окружал, переживать было не только бесполезно, но и тяжело, можно сказать, невозможно. Старость сама по себе штука неприятная, а уж трудная старость – стократ. И немудрено, что все, кто пытается ее еще больше затруднить, вызывают у человека эмоции, которые положительными не назовешь. Где уж за них переживать, когда так и взял бы полено потолще да по хребтам, по хребтам! Что за люди, ей-богу?! Сами не живут и другим не дают...

– Ну, чего там у тебя, блаженный? – ворчливо спросил он у Петрухи, который, присев на корточки у весело журчавшего среди чахлых зарослей лозы и мусорных куч ручейка, внимательно что-то разглядывал.

- Так бутылка же, - шепеляво ответил Петруха.

- Так хрен ли ты с ней возишься? Клади в сумку, и айда! Магазин скоро откроется, а у нас с тобой еще даже на буханку хлеба не набралось, не говоря уж про вино! Винца-то, небось хочешь?

- Хочу, - расплываясь в беззубой улыбке, ответил простодушный Петруха.

Рожу у него была чумазая, как у кочегара, на кончике курносого носа висела мутная капля. Одет Петруха был в драный дерматиновый пиджак, синтетическое покрытие которого облупилось, отстало чешуйками, выставив напоказ грязную матерчатую основу. Под пиджаком был растянутый свитер с прожженной дырой на брюхе, а ниже - мешковатые джинсы, покрытые сплошным узором пятен самого различного цвета, размера и формы. На ногах у Петрухи были подобранные на свалке девичьи серебристые кроссовки на модной несколько лет назад высоченной платформе. Правый лопнул, и из дыры высовывался черный Петрухин палец с треснувшим вдоль, неровно обломанным ногтем.

- Может, ты и бабу хочешь? - не удержавшись, поддел его Егорыч.

- Хочу, - улыбаясь еще шире, ответил Петруха. Он был немного придурковат; обычно Егорыч не дразнил убогого, а, наоборот, привечал как мог, но сегодня с утра настроение у него было совсем никудышное, да и поясница что-то разгулялась - не иначе к перемене погоды...

- Слюни подбери, - посоветовал старик. - Бабу ему... Ты бы помылся сначала, а то тебе скоро не то что баба - продавщица в винном отделе ни хрена не даст.

- Зато около церкви хорошо подают, - резонно возразил Петруха, который хоть и был дурачок, но выгоду свою блюсти умел.

- Да ты что, башка твоя дырявая, опять на паперть ходил?! - напустился на него Егорыч. - Помяни мое слово, подрежут там тебя когда-нибудь! Это ж Генки Хромого земля, а у него с чужими разговор короткий!

– А я убегу, – совсем по-детски заявил Петруха, надув обветренные, растрескавшиеся губы.

– Убегу... – передразнил Егорыч и бросил окурок в ручей. Крошечный, не больше сантиметра, окурок не долетел, застрял в гнилом бурьяне, покачался немного и провалился вниз, оставив после себя только завитую штопором струйку дыма. – И-эх! Дурак ты, дурак... Ну и леший с тобой. Подохнешь – я плакать не стану, так и знай. Ну, чего возишься!

– Бутылка, – повторил Петруха и, не вставая с корточек, показал Егорычу свою находку, мокрую от ледяной воды, в которой он ее полоскал.

Бутылка оказалась никчемная – фигурная, в виде скрипки, да еще и с отбитым краешком, не то из-под ликера, не то из-под какого-то дамского вина – сразу видно, что плохонького, раз налили его в такую красивую тару. Сдать эту бутылку не было никакой возможности, и, одолеваемый дурным настроением, болью в пояснице, а также скверной одеколонной отрыжкой, Егорыч тут же, не сходя с места и не особо выбирая выражения, выложил Петрухе все, что думал о его находке, а заодно и о нем самом.

Петруха не обиделся – он никогда не обижался, ума у него на это не хватало – и заявил, что, раз превратить бутылку в деньги не получится, он, Петруха, заберет ее домой, в свою нору, оборудованную в старом железнодорожном контейнере, и станет использовать как вазу для цветов.

Намерение этого неумытого недоумка украсить свой так называемый быт почему-то окончательно вывело Егорыча из себя. Изрыгая невнятную брань, старик шагнул вперед и грубо вырвал злополучную бутылку из протянутой Петрухиной руки. При этом он поскользнулся на мокром глинистом берегу, и его правая нога с плеском погрузилась в ручей по самую щиколотку. Худой ботинок немедленно наполнился ледяной водицей; окончательно рассвирепев, старик размахнулся и что было сил запустил проклятой посудиной в мировое пространство.

Силы у него были уже не те, что прежде, и бутылка, блеснув в лучах восходящего солнца мокрым, отмытым до полной прозрачности боком, пролетела каких-нибудь пять метров и плюхнулась в воду, немного не долетев до противоположного берега ручья. Ручей в этом месте разливался широко и

привольно, с журчанием омывая драные автомобильные покрышки, какие-то гнилые бревна, замшелые глыбы бетона, ржавый кузов древнего горбатого «запорожца» и бог весть какой еще хлам.

Бутылка, упав в воду, подняла мелкую волну, которая всколыхнула болтавшийся на поверхности, запутавшийся в корягах и поникшей лозе мусор. На середину ручья, покачиваясь, выплыл обломок доски, за ним – рваный, потертый, полузатонувший пластиковый пакет с изображением улыбающейся красотки, а следом из-за покореженного, проржавевшего насквозь автомобильного кузова неторопливо, будто в страшном сне, выдвинулось, проплыло метра два и снова остановилось, зацепившись за камень, нечто, при виде чего Егорыч вмиг позабыл и о промокшем ботинке, и о ноющей пояснице, и вообще обо всем на свете.

Оно, это нечто, было одето в большую, не по размеру, подростковую куртку с яркими полосами и вставками, мешковатые джинсы, белые кроссовки и каким-то чудом удержавшуюся на голове бейсбольную кепку. Тело лежало на воде лицом вниз и не шевелилось, лишь плавно покачивались на волнах широко раскинутые руки и ноги.

– Ах ты, мать твою семь-восемь! Что ж это за день такой?! – огорченно воскликнул Егорыч. – Гляди, Петруха, мальчонка утоп! Ах, чтоб тебя с твоей бутылкой!..

Умнее всего, конечно, сейчас было бы просто повернуться и уйти, сделав вид, что никакого тела в ручье нет, а если даже и есть, то они, Егорыч с Петрухой, его и в глаза не видели. Ведь поначалу-то они его и вправду не заметили, так могли ведь и теперь не заметить! Факт, могли.

Кто-то другой на их месте, наверное, так и поступил бы. Но Петруха был блаженный, который не мог равнодушно пройти мимо птички с перебитым крылышком и вечно подкармливал бродячих собак, которые бегали за ним повсюду. Он бы и чаек на свалке кормил, но те и без него чувствовали себя неплохо и плевать хотели на его угощение. Что же до Егорыча, то он, как уже было сказано, вечно за кого-нибудь переживал. И сейчас, углядев в замусоренном ручье, журчащем в ста метрах от свалки, тело маленького, не старше восьми-девяти лет, мальчонки, одетого чисто, по-городскому, он вообразил себе его родителей, которые сходят с ума от беспокойства, и немедленно начал за них переживать.

Помимо этих переживаний, однако, у Егорыча имелись и еще кое-какие соображения, не столь альтруистические, зато куда более рациональные. Дело было в Петрухе, который, черт его подери, совершенно не умел держать язык за зубами. Все, что узнавал он, в очень скором времени становилось известно всем без исключения обитателям свалки, среди которых попадались очень разные люди. Это ведь только в кино да в книжках пишут про какую-то там взаимовыручку и прочие распрекрасные вещи. На самом-то деле каждый выживает, как умеет, каждый за себя, и если представится, скажем, возможность свалить свою вину на соседа да еще и прибрать при этом к рукам его немудреное имущество... Ну, словом, тут не каждый удержится от соблазна.

И потом – мальчонка. Неспроста ведь он тут, в ручье, болтается! Не купаться же он сюда пришел – в октябре-то месяце! Рыбы тут никакой тоже сроду не водилось, зато любителей с пьяных глаз сотворить что-нибудь непотребное хватало с избытком. Им ведь, чертям, все равно – что бомжиха вшивая, что мальчонка, что дырка в заборе...

Вот и получалось, что, если Егорыч сейчас, скажем, тихонько повернется и уйдет, о его находке уже к вечеру будет знать вся свалка – Петруха раззвонит да еще и приплетет что-нибудь с перепугу. Не позднее завтрашнего утра эта история дойдет до ментов, а те долго разбираться не станут. Труп есть, подозреваемый имеется... Бока намнут, защемят пальцы левой руки между дверью и косяком, и сам не заметишь, как правой любое признание не глядя подмахнешь, лишь бы перестали мордовать. Так и сдохнешь потом на нарах, возле параши...

– Спасать надо! – всполошился Петруха.

«Спасать» у него прозвучало как «шпашачь».

Егорыч, стоя одной ногой в холодной воде, плюнул в сердцах и постучал себя по лбу согнутым пальцем.

– Какое там «шпашачь», дурья твоя башка! Не видишь – помер парнишка! Поглядеть бы надо...

Петруха не возражал, однако и в воду лезть, похоже, не собирался. Егорыч подумал о своем ревматизме, но, поскольку одна нога у него все равно уже промокла, махнул на все рукой и решительно зашлепал по воде к тому месту, где лицом вниз плавал покойник.

На середине ручья воды было почти по колени. Утопленник качался на поднятых Егорычем волнах, будто норовя нырнуть и спрятаться от незнакомого старого оборванца под берегом, как бобер. «Раньше надо было прятаться, – с некоторым сочувствием подумал Егорыч, подходя к труп в плотную. – А теперь ты в прятки не игрок. Только разок тебе спрятаться и осталось – в землячку, под дерновое одеяльце...»

Покойников Егорыч не боялся, потому как за свою долгую жизнь посмотрелся их предостаточно – и свеженьких, и лежалых, и таких, на которых и глядеть-то было страшно, не то что трогать. Подойдя к утопленнику вплотную, старик наклонился и перевернул его на спину.

Он ожидал увидеть распухшее, посиневшее лицо, возможно, объединенное – если не рыбой, которая в этом ручье давно передохла, отравленная сочившейся со свалки дрянью, то крысами. Вместо этого его взгляду представилась совсем другая, совершенно неожиданная картина: у восьмилетнего пацана было лицо взрослого человека!

Егорыч отпрянул, выпустив утопленника, который с плеском погрузился в воду, а потом медленно всплыл, опять выставив наружу свое одутловатое, покрытое неживой бледностью лицо с сеткой мелких морщин вокруг неплотно закрытых глаз. Между веками поблескивала мутная полоска белка, и из-за этого казалось, что покойник подглядывает за Егорычем, мысленно покатываясь со смеху и готовясь отмочить какую-нибудь штуку – например, вскочить и во все горло заорать: «Гав!»

Немного придя в себя, Егорыч сообразил, что перед ним вовсе не мальчонка, на тело которого кто-то с неизвестной целью насадил голову взрослого мужика, а лилипут, нашедший свою смерть в этом богом забытом месте. Про бомжей-лилипутов Егорычу слышать не доводилось, а значит, мысль его с самого начала работала в правильном направлении: дело пахло уголовщиной. И очень могло стать, что друзья и родственники мертвого лилипута разыскивали его повсюду, обивали пороги в ментовке и, быть может, даже объявили за него награду...

Мысль о награде решила дело. Егорыч вцепился обеими руками в плечи разбухшей, тяжелой от студеной воды куртки и, пятась, волоком потащил тело на берег.

– Ну, чего вылупился? – сказал он Петрухе, который, вытягивая шею, старался получше рассмотреть его улов. – К Васяне беги, пускай по своей мобиле ментов вызывает. Да скоренько, одна нога здесь, другая там...

Васяня жил здесь же, на свалке, и был большим человеком – бригадиром «картонщиков». Бомжи со всего района за небольшую плату тащили ему собранный на городских помойках картон, а Васяня перепродавал его скупщикам. Бизнес у него шел так хорошо, что Васяня со своей бабой горя не знал – питался магазинными продуктами, каждый день пил настоящую водку, курил хорошие сигареты и даже имел мобильный телефон. Понятно, что связь с ментами он поддерживал, потому что без этого ему вряд ли удалось бы сохранить свое завидное положение на самой верхушке здешнего «общества».

Петруха, топоча своими несуразными кроссовками, убежал в сторону Васяниной хибары, а Егорыч, кряхтя и негромко матерясь сквозь зубы, принялся собирать хворост для костра, торопясь согреться, покада простуда не согнула его в бараний рог.

Глава 4

Примерно за семь месяцев до того несчастливого дня, когда штатный экскурсовод Государственного Эрмитажа Кира Григорьевна Большакова обнаружила, что под пуленепробиваемым стеклом в зале Леонардо да Винчи вместо подлинника «Мадонны Литта» висит обыкновенная фоторепродукция, ветеран спецназа Павел Недосекин, уволенный вчистую по ранению, вышел из пивного бара «Веселая вобла».

На улице уже стемнело. Вместе с солнцем с городских улиц ушло нестойкое весеннее тепло, и все, что растаяло за день, превратившись в жидкую кашу, теперь снова замерзло, образовав на тротуаре твердые, как железо, и скользкие, как мокрое мыло, ледяные бугры и колдобины, в которых сам черт

запросто мог переломать себе ноги.

Недосекин шел, не разбирая дороги, засунув руки в карманы старого армейского бушлата и прижимая к груди подбородок, чтобы ледяной мартовский ветер не забирался под одежду. В зубах у него дымилась, прожигая ночь красным огоньком, сигарета, в голове немного шумело от выпитого пива – после контузии алкоголь стал плохо действовать на Павла, и пил он теперь редко и очень понемногу, – а в душе клубилась какая-то неопределенная муть.

Только что, буквально десять минут назад, за кружкой пива, в которое было щедро добавлено водки, он согласился участвовать в деле, в случае успеха сулившем очень солидный заработок.

О том, что ему сулило это дело в случае неудачи, Павел Недосекин старался не думать. Что тут думать-то? Сказано ведь: от сумы да от тюрьмы не зарекайся...

Вышло так, что Паша Недосекин, парень здоровый, косая сажень в плечах, только малость контуженный и с кое-как заштопанной дырой в легких, уже без малого полгода не мог найти работу и жил на нищенскую пенсию, которую положило ему родное государство за геройское поведение под чеченскими пулями. Гражданской специальности у Паши не было, и умел он, по сути, только одно – стрелять. Зато стрелял он хорошо и, уходя из армии по состоянию здоровья, не сомневался, что без труда устроится охранником в какую-нибудь солидную фирму.

Да не тут-то было!

Оказалось, что солидные фирмы, где Паша Недосекин мог бы найти применение своим талантам, калек на работу не берут. Конечно, в глаза его никто калекой не называл, однако вторая группа – это серьезно. Кадровикам и говорить ничего не надо было, Паша без труда читал ответ прямо по их физиономиям. Читал, молчком забирал свои документы и уходил, пока собеседник чего-нибудь не ляпнул и не схлопотал, чего доброго, по чавке. Спору нет, от тюрьмы Паша не зарекался, но и садиться туда не особенно спешил – это как на тот свет, никогда не поздно и всегда рано.

Пробовал он работать охранником в ресторане, но продержался там совсем недолго – недели две с половиной. Не мог он смотреть на эти сытые рыла,

музыку эту, дебилами для дебилов придуманную, слышать не мог, и голова у него начинала раскалываться уже через полчаса нахождения в битком набитом обеденном зале, ритмично вибрирующем в такт этой самой музыке. И не поймешь, от чего было хуже – от шума или, может, от злости и раздражения...

Короче говоря, как только представился удобный случай, Паша дал своим эмоциям выход. Трое каких-то уродов, нализавшись до потери сознания, затеяли на танцевальной площадке драку, и Паша, в строгом соответствии со своими служебными обязанностями, помог всем троим покинуть заведение – кратчайшим, блин, путем, прямо сквозь витрину зеркального стекла стоимостью в полторы тонны баксов.

Уродов, всех троих, увезла «скорая», от витрины остались приятные воспоминания, публика, ясное дело, разбежалась, и Паше, естественно, тоже пришлось покинуть заведение – правда, не через окно, а нормальным путем, через дверь. «Тварь контуженная! – крикнул ему вслед хозяин кабака. – Отморозок чеченский!»

Паша даже не оглянулся: он уже отвел душу и вспомнил, что солдат ребенка не обидит. Кроме того, в обидных словах хозяина шалмана была-таки изрядная доля горькой правды, и Павел Недосекин это отлично понимал.

Как бы то ни было, а тот случай сослужил ему плохую службу. Слава о нем разнеслась по маленькому городку в мгновение ока, и работодатели, едва узнав, с кем имеют дело, сразу давали от ворот поворот. Можно было попытаться счастья в Питере, но Недосекин не без оснований подозревал, что таких, как он, в Питере и без него навалом. Кроме того, оставлять на произвол судьбы доставшуюся в наследство от покойных родителей квартиру ему было жаль: это был его основной капитал, приберегаемый на самый черный день.

Чувствуя неумолимое приближение этого дня, Паша принял вполне естественное в сложившейся ситуации решение: пойти в криминал. С этой целью он по цепочке проверенных знакомых, друзей детства и двоюродных зятьев троюродных теток вышел на человека со странным именем Сало, который, по слухам, пользовался среди местных бандитов кое-каким авторитетом.

Сало, предупрежденный, по всей видимости, заранее, выслушал Павла внимательно и вроде бы даже сочувственно. На Пашины проблемы со здоровьем ему было плевать с высокой колокольни, зато способность «абитуриента» выбивать девяносто очков из ста возможных любым оружием его очень заинтересовала. «Ты, братан, не гони лошадей, – сказал он, хорошенько все обдумав. – На большую дорогу с большой выйти ты всегда успеешь, эта работа от тебя не уйдет. Заказов для хорошего стрелка на горизонте пока не видать, но наклеивается тут одна работенка, как раз по твоей части. Ты сожди недельку, я с братвой перетру и сам тебя найду».

Он даже предложил денег на первое время, но Паша от них отказался: протянуть какую-то несчастную неделю ему ничего не стоило, благо пенсию он получил только позавчера.

Правда, вместо обещанной недели прошло почти что полных две, но в один прекрасный день Сало, как и договаривались, позвонил Павлу домой и назначил встречу в «Веселой вобле». На встречу Сало явился не один, а с каким-то мужиком, меньше всего походившим на уголовника. Мужику было лет сорок или около того, ростом он был с Пашу, шириной плеч и прочими атрибутами мужественности Господь его тоже не обделил, а в его прямоугольном скуластом лице просматривалось что-то такое, из-за чего Недосекину, человеку военному, сразу захотелось стать по стойке «смирно». Одет незнакомец был просто – в темно-серый костюм и черную водолазку, – но это была простота того сорта, что стоит очень приличных бабок.

Сало смотрел на незнакомца снизу вверх, блатных понтов против обыкновения не швырял и вообще старался помалкивать. Да ему и говорить-то было некогда: незнакомец, пристально оглядев Пашу с ног до головы и рассеянно выслушав расточаемые Салом похвалы в Пашин адрес, небрежно махнул рукой и что-то неразборчиво обронил сквозь зубы, после чего Сало тихо слинял и больше не показывался.

Оставшись с Пашей наедине, незнакомец первым делом представился. Назвался он Петром Ивановичем, что почти наверняка не соответствовало действительности, и тут же, не сходя с места, разрешил называть себя просто Петром – для краткости, как он объяснил. Потом он заказал коньяк и предложил выпить за союз Петра и Павла, приплетя сюда святых, Петропавловскую крепость и даже Петропавловск-Камчатский.

Недосекин не знал, как себя вести. На блатного этот Петр Иванович не походил, а для бизнесмена, решившего заказать конкурента, был как-то уж чересчур спортивен, подтянут и твердолик. Набивать себе цену, кажется, не имело смысла, да и непонятно было, что ему, этому странному Петру Ивановичу, от Паши надобно, какие именно качества его интересуют, чем следует щеголять в его присутствии, а о чем лучше помалкивать. Поэтому Паша решил поменьше говорить, а побольше слушать: раз уж такой человек, как Петр Иванович, перед которым откровенно робел даже отъявленный отморозок Сало, решил с ним встретиться, то он не станет просто играть в гляделки, а объяснит, надо полагать, что у него на уме.

Поэтому коньяк Паша только пригубил, а насчет союза Петра и Павла ничего не сказал, ограничившись одной скептической улыбкой. Петру Ивановичу это, кажется, понравилось; во всяком случае, вливать в Пашу выпивку насильно и набиваться в кореша он не стал, а для начала устроил что-то вроде допроса: кто таков, откуда, почему оказался на мели и чего, собственно, ожидал, обратившись за помощью к такому уроду, как Сало.

Эта любознательность, хоть и не слишком обрадовала Пашу Недосекина, выглядела вполне законной, тем более что Петр Иванович заранее за нее извинился и объяснил, не вдаваясь в подробности, что иначе просто нельзя: дело, дескать, намечается серьезное, не исключена возможность ментовской подставы, а Паша, как ни крути, в прошлом работал в силовых структурах. Поэтому отвечал Недосекин хоть и без лишних подробностей, кратко, но зато исчерпывающе. Услышав про контузию, Петр Иванович спросил: «Припадки?» Этот обидный, по сути дела, вопрос тоже был задан как-то так, что Паша не обиделся: было понятно, что это не праздное любопытство, а законный интерес человека, не желающего провалить тщательно спланированную операцию из-за чьего-то внезапного недомогания. Поэтому Паша ответил, что припадков у него не бывает, только изредка случаются головные боли, да и то вполне терпимые, и еще алкоголь после контузии разбирает его быстрее и основательней, чем прежде.

Петр Иванович при этих словах покосился на почти не тронутую Пашину рюмку, кивнул этак понимающе, с одобрением и наконец перешел к делу.

Ясно, что в подробности он по первому разу не вдавался, а сказал лишь, что намечается крупное дельце, связанное с проникновением в хорошо охраняемый музей и изъятием оттуда некоторого количества старинных золотых

побрякушек, камешков и прочей бижутерии. При этом он счел нужным подчеркнуть, что речь идет не о банальном налете на витрину с рыжьем, каких навалом в любом ювелирном магазине, а о деле по-настоящему солидном, вроде тех, которые чаще случаются в кино, чем в реальной жизни.

Петр Иванович так и сказал: «Такое дело, как то, что мы затеваем, только по телику и увидишь. «Тринадцать друзей Оушена» смотрел? А «Гудзонского Ястреба»? Ну, вот...»

Тут Паша, конечно, насторожился. Потому что в молодые свои годы многое повидал и знал: на свете полным-полно людей, которые выглядят как все, а то и получше, а в голове у них при этом такая каша... Был у него, к примеру, школьный друг, отличный парень, не дурак выпить, пройтись по бабам и подраться и при этом умница, каких мало, – Паше в этом плане было до него, как до Парижа на карачках. В одной драке ему крепко дали по башке, и с тех пор, оставаясь все тем же распрекрасным товарищем, Пашин знакомый уже после третьей рюмки начинал горячо и очень убедительно втолковывать окружающим, что планету Земля исподволь, тайно захватывают марсиане – устраняют одного за другим самых умных и влиятельных людей, маскируются под них и начинают проводить свою политику, направленную, сами понимаете, на установление полного контроля над планетой, глобальное изменение климата по образу и подобию своего, марсианского, и поголовное истребление человечества...

Другой Пашин знакомый, тоже вполне нормальный мужик, до сих пор боролся за построение коммунизма. Ни хрена про этот свой коммунизм не знал и не понимал, а просто верил в него, как другие верят в Бога, и, стоило разговору за столом зайти о политике, принимался орать, колотить кулаками по столу и с пеной у рта выкрикивать бессмысленные лозунги, которые ему вбили в башку на заре туманной юности – сначала в пионерской организации, а потом в комсомоле...

Так что, услышав про ограбление, спланированное по голливудскому сценарию, Паша Недосекин насторожился. В ограблениях он ни черта не смыслил, однако значение выражения «хорошо охраняемый» ему было понятно. А значение было очень простое: только сунься – костей не соберешь.

Он как раз размышлял над тем, как бы это поделикатнее послать уважаемого Петра Ивановича к чертовой матери, когда тот заговорил снова. «Я вижу, ты считаешь меня психом, – сказал он спокойно. – Во-первых, ты ошибаешься, а во-

вторых, где ты видел, чтобы так называемые «нормальные» сделали хоть что-то стоящее? С их «нормальной» точки зрения, ты, между прочим, тоже псих, да еще какой! Недаром для тебя в этом занюханном городишке работы нет. И не будет, не надейся, потому что ты такой, каков ты есть. В ОМОН тебя не возьмут по состоянию здоровья, в армию тоже, а без адреналина ты жить не можешь, я же вижу. Ну, скажи, что тебе терять? На что ты рассчитываешь, чего ждешь? Пока Сало тебе «тэтэшник» в руку вложит и пошлет на рынок? Тоже мне, карьера... Сядешь в два счета, и притом ни за что. А я тебе предлагаю настоящее дело. Ну?»

Все это были, конечно, слова, но слова правильные. Павел и сам так думал бессонными ночами, когда голова раскалывалась от боли и хотелось кого-нибудь убить – не за что-то и не ради чего-то, а просто так, от ненависти к тому полурастительному существованию, которое он теперь вел. Терять ему действительно было нечего, кроме квартиры, которая, если честно, успела осточертеть ему хуже горькой редьки. Когда сидишь круглые сутки в четырех стенах, потому что тебе некуда пойти и нечем заняться, даже дворец очень быстро превращается в тюрьму, в ненавистный застеночек. Что уж говорить о двухкомнатной «хрущобе», давно нуждающейся в ремонте, который не на что сделать!

Короче говоря, Паша согласился, хотя и не сразу. После этого его познакомили с «коллегами», как их называл Петр Иванович, и посвятили в план предстоящей операции. План этот выглядел далеко не таким безумным, как могло показаться, – конечно, при том условии, что каждый из его новых «коллег» был именно тем, за кого себя выдавал. Времена узкой специализации наступили уже давно и, кажется, не думали кончаться. Петр Иванович это учел и подобрал команду в полном соответствии с требованиями эпохи. Каждый умел делать что-то одно, но зато умел хорошо, как никто, и каждый отвечал за свой участок работы. Ограбление планировалось, как секретная операция войсковой разведки, и это очень понравилось Недосекину. Все-таки Петр Иванович был правильный мужик; чувствовалось, что в недавнем прошлом он, как и Паша, носил камуфляж и погоны, только на погонах этих красовались не лычки, как у Недосекина, а офицерские звезды, о размере и количестве которых оставалось только догадываться.

Назвали Паше и сумму, на которую он мог рассчитывать в случае успеха. Сумма оказалась такой, что ради нее действительно стоило рискнуть. Поэтому Недосекин послал к черту последние сомнения и с головой окунулся в

подготовку к налету, тем более что его обязанности были не слишком сложными. Он был, по словам Петра Ивановича, «стрелок на подхвате», и подготовка его заключалась в основном в изучении поэтажных планов музея и тренировках с новым для него оружием – пневматическим ружьем, которое стреляло не пулями и не шариками, а специальными дротиками, вроде тех, с помощью которых добывают крупных хищников для зоопарков и отлавливают бродячих собак.

Петр Иванович не торопился. До назначенного дня оставалось больше месяца, когда Павлу опять позвонил Сало и предложил встретиться в «Веселой вобле». Он сказал, что дело очень важное, и Павел, который вовсе не горел желанием снова увидеться с этим уголовником, был вынужден согласиться. В конце концов, это Сало познакомил его с Петром Ивановичем, помог вернуться к настоящей, полной напряжения и риска, истинно мужской жизни...

Сало не стал долго ходить вокруг да около, а сразу выложил карты на стол. У него было к Павлу деловое предложение – так, по крайней мере, он это назвал. Сало предложил Недосекину работу – разовую, но очень хорошо оплачиваемую – и выдал аванс в размере пяти тысяч американских долларов. За успешное выполнение работы ему было обещано еще десять, и Сало не стал скрывать, что отказ или неудача также не останутся без соответствующего «вознаграждения». «Такой расклад, братан, – объяснил Сало, – что деваться тебе некуда. Меня в угол зажали, а я, видишь, тебя зажимаю. Короче, если не сделаешь, что у тебя просят, или капнешь кому, тебе не жить. По-любому не жить, понял? Я тебя не пугаю, я тебе дело толкую, как оно все в натуре случится, если станешь вести себя как баран».

Пораскинув мозгами, Павел пришел к выводу, что быть бараном ему нет никакого резона. Здесь, на гражданке, были свои законы, совсем не те, что на войне, и Недосекин давно понял, что лучше им подчиниться. Иначе его очень быстро затопчут. Плетью обуха не перешибешь, и кодекс чести, утверждающий, что бегство позорно, не работает, когда на тебя с ревом и лязгом мчится тепловоз... Надо просто блюсти собственную выгоду, заботясь о том, чтобы тебе ничего за это не было, и только при этом условии ты станешь хозяином жизни.

Поэтому он принял предложение, положил деньги во внутренний карман, поближе к сердцу, допил щедро разбавленное водкой пиво, распрощался с Салом и покинул «Веселую воблу».

Он отправился домой пешком, хотя идти было не близко – считай, на другой конец города. Паша ощущал настоятельную необходимость в такой вот прогулке по ночному морозцу – надо было, во-первых, проветрить затуманенные «ершом» мозги, а во-вторых, обдумать свое дальнейшее поведение.

Ясно было, что военный пенсионер Павел Недосекин угодил в вилку, состоящую из двух, и притом одинаково неприятных, вариантов развития событий. Что бы он сейчас ни предпринял, что бы ни решил, риск все равно оставался очень большим. И предугадать, чем все закончится, не было никакой возможности. Оставалась только арифметика...

Арифметика была простая: вариант, предложенный Салом, обещал сделать Пашу Недосекина богаче на целых пятнадцать тысяч долларов. Пять из этих пятнадцати тысяч сейчас лежали у него в кармане, согревая душу. Это были не обещания и посулы, а живые, реальные деньги, имеющие свободное хождение по всему земному шару. Конечно, Сало – уголовник, урка, и верить ему нельзя, но денежки – вот они, делай с ними что хочешь – перебирай, пересчитывай, трать, в конце концов...

Вдохновленный последней мыслью, Паша свернул в гостеприимно распахнутые двери магазина и вскоре вышел оттуда, запихивая в глубокий карман бушлата бутылку водки. Он знал, что назавтра у него будет зверски трещать голова, но это будет завтра, а сегодня он ощущал настоятельную потребность выпить – выпить хорошо, по-настоящему. Он не собирался напиваться в баре или на улице, где мог ненароком начудить по пьяному делу, а направился домой. В конце концов, новую работу следовало не только обмозговать, но и обмыть, как полагается, чтобы все прошло гладко – без сучка, без задоринки...

И, подумав об этом, Паша понял, что решение уже пришло – само пришло, можно сказать, без его участия. И сразу успокоился, потому что был солдатом и очень не любил все эти колебания и раздумья.

Родной подъезд встретил его теплом и ярким светом, который был особенно приятен после непроглядной тьмы скованной последним мартовским морозом окраинной улицы. Металлическая дверь знакомо клацнула магнитным замком, закрывшись у него за спиной, и Павел, шагая через две ступеньки, стал подниматься к себе на третий этаж.

Навстречу ему кто-то неторопливо спускался, и, миновав площадку второго этажа, Паша увидел какого-то незнакомого мужичонку – невысокого, в аккуратном черном полупальто и зимней шапке пирожком, с бритым невыразительным лицом, на котором поблескивали, отражая электрический свет, узкие прямоугольные очки в тончайшей металлической оправе.

Павел окинул его быстрым взглядом, автоматически, в силу давно укоренившейся привычки, оценивая незнакомца как потенциального противника, и пришел к выводу, что может заломать этого мозгляка одной левой даже при условии, что правую ему привяжут за спину, а у мозгляка в руках будет нож или даже топор. Вынеся этот вердикт, Недосекин мигом потерял к повстречавшемуся ему на лестнице человеку всякий интерес.

Они сблизились. Недосекин даже не подумал посторониться, хотя его широкие плечи перегораживали почти весь лестничный марш. Мозгляк, как и следовало ожидать, развернул корпус, чтобы интеллигентно проскользнуть мимо некультурного аборигена бочком, и вдруг прямо из этого крайне неудобного положения нанес Павлу короткий, без замаха, неожиданно сильный удар в середину лица.

Удар был не просто сильный, а сокрушительный. Недосекин даже не почувствовал боли. Перед глазами у него вспыхнул ослепительный белый свет, и он потерял сознание раньше, чем его затылок с треском ударился о кафельный пол лестничной площадки.

Очкарик в полупальто аккуратно переступил через распростертое на разлинованном шахматными клетками полу бесчувственное тело, спустился по лестнице и вышел из подъезда. К подъезду сейчас же подъехал неприметный «москвич». Стукнула дверца, шипованные колеса прошуршали по смерзшейся снеговой жиже, окутанные туманным облачком пара из выхлопной трубы рубиновые габаритные огни скрылись за поворотом.

* * *

Услышав звук подъехавшей машины, Гаркуша осторожно отодвинул занавеску и выглянул в окно. Внизу, на расчищенной от подтаявшего снега площадке у запертых ворот гаража, стояла знакомая белая «девятка», до самой крыши забрызганная дорожной грязью.

– Сам пожаловал, – сообщил Гаркуша.

– Сам, сам, – проворчал Бек, выковыривая из мятой пачки сигарету. – Пожрать-то привез?

– А я почему знаю? – сказал Гаркуша и снова выглянул в окно.

Небо над поселком было синее-синее, какое бывает только с приходом настоящей весны. Заметно потеплевшее солнце, изголодавшись за зиму, жадно глодало почерневшие, усеянные опавшей сосновой хвоей сугробы, и они таяли прямо на глазах. Из ноздреватого снега к синему небу возносились рыжие колонны сосновых стволов, колючие кроны казались неправдоподобно зелеными, да и весь вид, открывавшийся из окна мансарды, казался каким-то чересчур ярким и контрастным, как на рекламном фотоплакате или на картине начинающего живописца, компенсирующего отсутствие умения и таланта яркостью локальных, ничем не разбавленных цветов.

Гаркуша увидел, как из машины выбрался Кот и, открыв багажник, достал оттуда два туго набитых пластиковых хозяйственных пакета. Вслед за ним из «девятки» вылез какой-то незнакомый Гаркуше фраер, выглядевший как фанат фильма «Люди в черном» – темноволосый, в черной кожаной куртке, черных брюках, черных, старательно начищенных ботинках, черных перчатках и черных солнцезащитных очках. Фраер открыл заднюю дверь машины, взял с сиденья спортивную сумку – понятное дело, тоже черную.

– Фраера какого-то привез, – сказал Гаркуша, ни к кому конкретно не обращаясь.

Бек тяжело поднялся, заставив кресло-качалку жалобно скрипнуть, и, шаркая ногами, подошел к окну. Незакуренная сигарета свисала с его нижней губы, на щеках темнела недельная щетина. Поверх растянутого свитера на Беке была надета старая стеганая безрукавка, мятые брюки пузырились на коленях – словом, выглядел он как опустившийся алкаш после продолжительного запоя.

Короткий тоже соскочил со стола, на котором сидел, болтая ногами, подбежал, топоча, как дитя малое, к окну, оттер плечом Гаркушу и, привстав на цыпочки, посмотрел, кто приехал.

– Черный Человек, Черный Человек! – пропищал он в притворном ужасе и забегал по комнате, будто ища, куда спрятаться.

Бек покосился на него через плечо.

– Слышь, недомерок, кончай дурковать! – ворчливо произнес он. – Достали уже твои фокусы, в натуре...

Короткий остановился посреди комнаты:

– Как ты меня назвал?

Бек медленно развернулся всем корпусом.

– Недомерком, – с удовольствием повторил он. – А что, не в жилу? погоди, я другое слово подберу... Ну, например, обмылок. Так лучше?

Вместо ответа Короткий вдруг сделал неуловимое движение левой рукой и всей пятерней вцепился Беку в промежность. Несмотря на маленький рост, рука у него была железная – Бек охнул, согнулся пополам и сейчас же испуганно отдернул голову, едва не напоровшись левым глазом на узкое лезвие пружинного ножа, неизвестно каким путем оказавшегося у Короткого в свободной руке.

– Может, повторишь еще раз? – вкрадчиво предложил Короткий.

– Ты что, с-сука, шуток не понимаешь? – с натугой просипел Бек. Морда у него посинела от боли, а голову он все еще держал задранной, напоминая испуганную лошадь.

– Шутки я понимаю, – сказал Короткий. Он убрал нож от Бекова лица и переместил его ниже – туда, где его левая рука крепко сжимала нечто, представлявшее, по всей видимости, для Бека какую-то ценность. – Я и сам люблю пошутить. Вот чикну сейчас ножичком, а потом вместе посмеемся. Правда?

Гаркуша промолчал. Он не любил такие вещи и, хоть Бек был кругом не прав, считал все-таки, что Короткий мог бы повести себя как-то иначе – не так резко, что ли...

Зато очкастый Клава, который все это время молча пялился в свой верный ноутбук и лишь изредка щелкал кнопками мыши, оторвал взгляд от экрана и с напускной серьезностью произнес:

– Факт, посмеемся. Нет, правда, Бек, соглашайся! Это почти не больно, зато потом завяжешь, покончишь с преступным прошлым, запишешься в хор мальчигов... Глядишь, со временем карьеру сделаешь, станешь вторым Демисом Руссосом...

– Каким еще сосом? – свирепо просипел Бек, на мгновение забыв о нависшей над его мужским хозяйством угрозе. – Фильтруй базар, ты, глиста очкастая, пока...

– Сначала закончи со мной, – вежливо напомнил ему Короткий и сильнее сжал ладонь, отчего Бек охнул и сосредоточил свое внимание на нем. – Не спорю, – продолжал Короткий, – ростом я не вышел. Это мне не нравится, и еще больше мне не нравится, когда мне об этом напоминают такие здоровенные куски дерьма, как ты. Я терплю дурацкую кличку, которую вы мне дали, но это все, что я согласен от вас терпеть. Это касается всех, и в первую очередь тебя, Бек. Ты меня понял?

– Да пошел ты, урод, – сказал Бек, явно не привыкший прислушиваться к голосу рассудка.

Гаркуша увидел, какое стало у Короткого лицо, и подобрался, готовясь прыгнуть. Правда, он понятия не имел, что именно собирается предпринять, но что-то предпринять было просто необходимо: в маленьких, сделавшихся похожими на две черные щелки глазах Короткого светилась твердая решимость сделать Бека калекой, а может, и мертвецом.

Спас Бека только приход Кота, который неожиданно появился в дверях с двумя набитыми жратвой пакетами и остановился на пороге, мрачно озирая представшую перед ним картину.

– Отставить, – сказал он негромко, и Гаркуша с облегчением увидел, как смягчился Короткий и как свирепый огонек убийства погас в его широко и невинно распахнувшихся глазах. – Что происходит? – спросил Кот, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Мы играем, – сообщил ему Короткий, обернувшись через плечо. – Шутим, резвимся... Словом, коротаем время.

Гаркуша заметил, что нож куда-то исчез, так же незаметно, как появился, и в очередной раз зарекся ссориться с Коротким.

– Поиграли, и будет, – спокойно сказал Кот.

Вникать в детали он не стал, да и во что тут было вникать? Кот знал Бека, знал Короткого и, только раз глянув, наверняка мог бы с ходу во всех подробностях рассказать, как и почему они сцепились.

– Будет, – с легким нажимом повторил Кот, видя, что Короткий не торопится отпускать свою жертву.

Короткий разжал ладонь. Гаркуше показалось, что напоследок он сдавил ее сильнее, но полной уверенности у него не было. Бек застонал, схватился обеими руками за свое отдавленное хозяйство и, неестественно переставляя ноги, поковылял к ближайшему стулу.

– Чтобы я этого больше не видел, – по-прежнему не повышая голоса, сказал Кот. – Я вас, идиотов, не для того чуть ли не по всей России собирал, чтоб вы друг друга калечили. Скоро на дело, а вы как дети малые...

– Кстати, о деле, – продолжая пялиться в экран ноутбука и щелкать мышкой, рассеянно проговорил Клава. – Куда подевался Сека? Где он, наш герой? Наш, не побоюсь этого слова, Вильгельм Телль...

Кот крякнул, поставил на пол у стены свои пакеты и вынул из кармана дорогого кашемирового пальто пачку «Данхилл».

– Об этом я и говорю, – сказал он раздраженно. – Сека выбыл.

Все повернулись к нему, включая все еще нянчившего свой персональный омлет Бека и даже Клаву, который ради такого случая на время оставил в покое компьютер.

– Вот так штука, – сказал своим дребезжащим голосом Короткий и запрыгнул на стол, где и уселся, болтая ногами в сильно поношенных белых кроссовках.

Гаркуша снова поразился тому, как ловко у этого коротышки получаются такие вещи. Край стола приходился ему вровень с грудью, и сесть на стол для него было все равно что нормальному человеку на забор. Гаркуша представил себя на месте Короткого и усомнился в своей способности проделать подобный трюк.

– Что случилось? – спросил он.

Кот порывистым движением вынул из кармана золоченую зажигалку и принялся раздраженно вертеть колесико. Было невооруженным глазом видно, что он зол, как черт, и едва сдерживается.

– Этот кретин, – сказал Кот, закурив наконец сигарету, – получил в рыло и теперь валяется в больнице. Верхняя челюсть пополам, нос вдребезги, говорить не может, ничего не может... – Он глубоко, нервно затаился. – Я говорил с врачом. Этот Айболит даже приблизительно не может сказать, когда у него все срастется. Нужна челюстная операция, нужно собирать по кускам нос... Вдобавок ко всему у него еще и сильное сотрясение мозга. Учитывая армейскую контузию, это может кончиться чем угодно, вплоть до полного идиотизма. Короче, про Секу можно забыть, ясно?

– Ничего себе, – сказал Клава. – Интересно, кто его так отделал?

– Отделал – не то слово, – проворчал Кот, опускаясь в кресло-качалку, где до этого сидел Бек. – Если верить врачу, его ударили всего один раз, причем голый рукой... А кто... Откуда мне знать? Он же не говорит ни черта, валяется без сознания, как бревно, вместо морды сплошные бинты...

Клава присвистнул.

– А вот это мне уже совсем не нравится, – сказал он, поправляя очки. – Это странно, а значит – опасно...

– Не знаю, – проворчал Кот, дымя сигаретой. – Не вижу ничего странного. Он же спецназовец, их таким вещам обучают. Может, встретил кого-то из старых дружков, брякнул что-нибудь не то... Когда его доставили в больницу, он был сильно поддавши, а в кармане у него еще бутылка лежала. Так что...

Не договорив, он поднялся, вернулся к двери и выглянул в коридор:

– Заходи.

В комнату вошел тот самый фраер в темных очках, со спортивной сумкой через плечо. Очки свои он не снял даже в помещении, так что глаз было не разглядеть. Выражение лица у него было как у дубовой колоды – не в том смысле, что тупое, а в том, что непроницаемое, держался он свободно, как будто даже не догадывался, куда пришел и что за люди на него сейчас смотрят.

– Пришлось подыскать Секе замену, – сказал Кот. – Вот, знакомьтесь, это...

– Черный Человек! – опять заверещал Короткий, к которому после расправы над Бекон вернулось прекрасное настроение.

– Черный так Черный, – усмехнулся Кот. – Ты не возражаешь? – спросил он у фраера.

Фраер, которому с легкой руки Короткого теперь предстояло на некоторое время стать Черным, равнодушно пожал плечами и опустил на пол сумку.

– Ты где его нарыл? – подал голос Бек, который уже немного пришел в себя.

– Где надо, – ответил Кот и снова уселся в кресло.

Бек наконец вспомнил, что во рту у него торчит сигарета, чиркнул дешевой одноразовой зажигалкой, закурил и, поднявшись со стула, приблизился к Черному. Вытянув шею и слегка наклонившись, он сунулся носом чуть ли не в самое его лицо – сначала с одной стороны, потом с другой, будто принюхиваясь

или пытаюсь заглянуть под темные очки, а потом пошел вокруг него разболтанной блатной походочкой, оглядывая со всех сторон, как неодушевленный предмет.

– Странный запах, – сообщил Бек, закончив обход. – Мусором воняет...

Гаркуша подавил вздох: едва избавившись от одних неприятностей, Бек уже искал другие. Впрочем, этот фраерок, с головы до ног одетый во все черное, как какой-то доморощенный ангел смерти, Гаркуше тоже не нравился. Было неизвестно, кто он такой, откуда взялся, чем дышит и на что годится. А кроме того, учитывая масштаб затеянной ими операции, расслабляться и благодушествовать все они не имели права: на каждом шагу их могла подстергать ментовская подстава, так что в чем-то Бек, несомненно, был прав...

Черный не обратил на реплику Бека внимания, словно тот и вовсе ничего не говорил. Темные стекла очков бесстрастно поблескивали, на бледном спокойном лице не дрогнул ни один мускул.

– Уймись, Бек, – сказал Кот. – Сядь. Черный – человек проверенный. У него такие рекомендации, какие никому из вас даже и не снились.

– Рекомендации, надеюсь, не с Петровки? – поинтересовался Короткий, вытряхивая из лежавшей на столе пачки сигарету.

Черный снова промолчал. Задумчивый Клава, блестя стеклами очков, развернулся на своем крутящемся стуле и, не вставая, подбросил в затухающий камин березовое полено.

– Какая там Петровка, – сказал Кот, снова окутываясь густым облаком табачного дыма. – Петровка в Москве, а мы – сам знаешь где...

– Да, действительно, – с легкой иронией согласился Короткий, – никак не привыкну.

– Рекомендации, – устраиваясь на жестком скрипучем стуле, недовольно проворчал Бек. – Рекомендации... А работать за него рекомендации станут? Кто

он вообще такой?

- Стрелок, - ответил Кот. - Это все, что тебе нужно знать.

- Стрелок, - не унимался Бек. - Сигареты стреляет?

Не меня выражения лица, даже не повернув в его сторону головы, Черный вдруг вскинул правую руку, и Гаркуша обмер, увидев в ней пистолет с глушителем. Если фокусы Короткого с ножом, который то возникал, то исчезал незаметно для постороннего глаза, могли удивить кого угодно, то этот трюк вообще был сродни волшебству: все-таки пистолет, да еще с глушителем, - это тебе не ножик...

Раньше, чем кто-нибудь успел среагировать, хлопнул выстрел. Выброшенная затвором гильза звякнула о каминную решетку, Черный опустил пистолет.

Гаркуша посмотрел на Бека. Он не удивился бы, увидев дыру у него в виске, но Бек как ни в чем не бывало сидел на стуле, держа сигарету между пальцами левой руки, и с нескрываемым презрением смотрел на Черного. Поискав глазами, Гаркуша нашел дырку, пробитую пулей в светлой сосновой обшивке стены.

- Ну, - сказал Бек, - и что это значит? Стенки дырявить любой дурак умеет. Или ты думал, что я тебя испугаюсь?

Гаркуша посмотрел на Кота. Тот сидел, вольно раскинувшись, в кресле-качалке, слегка покачивался и с совершенно непроницаемым лицом наблюдал за происходящим. Правда, глаза у него были слегка прищурены и как-то странно поблескивали, но что означает этот блеск, Гаркуша, честно говоря, не понял.

Тогда он посмотрел на Клаву. Он удивился: у Клавы был такой вид, словно он участвовал в каком-то очень смешном розыгрыше и сейчас, в кульминационный момент, пытался продержаться еще чуток, чтобы не заржать раньше времени, испортив тем самым все удовольствие.

Гаркуша перевел взгляд на Короткого, который откровенно наслаждался, оскалив в широкой улыбке свои мелкие испорченные зубы. Всем вокруг явно было очень весело, только Гаркуша, как и Бек, никак не мог понять, в чем соль

шутки.

Он увидел, что все, не отрываясь, смотрят на Бека, тоже посмотрел на него и наконец-то сообразил, что к чему. Сообразить-то он сообразил, вот только поверить в это ему было трудно. Ведь Черный, когда стрелял, на Бека даже не смотрел!

Бек поднес сигарету ко рту, сунул ее в зубы.

- Нет, Кот... - начал он и осекся.

Потому что сигарета, закуренная им пару минут назад, не дымилась. Тлеющего уголька как не бывало, а вместо него из неровно оборванной, словно обгрызенной, бумажной трубочки торчали разлохмаченные волокна табака.

Глава 5

За окном светило яркое, уже по-настоящему весеннее солнышко, по жестяному карнизу громко барабанила капель, и, если повернуть голову, можно было увидеть, как крупные капли талой воды одна за другой срываются с края крыши и пролетают мимо окна, сверкая на солнце, как бриллианты. Время от времени по водосточной трубе с рассыпчатым грохотом съезжали готовые разбиться вдребезги на тротуаре пласты смерзшегося, слежавшегося снега; то и дело с крыши срывалась сосулька и с похожим на выстрел из пневматического ружья треском ударялась об асфальт.

Сиверов стоял у окна и курил, наблюдая, как по двору, матерясь и взывая к прохожим, бегают владельцы «мерседеса», на крышу которого с высоты пятого этажа рухнуло центнера полтора подтаявшего, мокрого снега. Крыша была вдавлена, казалось, до самых спинок сидений, и в этом углублении уютно расположилась груда серых снеговых комьев вперемешку с кусками мутного льда. Снег рассыпался по капоту и крышке багажника, мелкие комья таяли, растворялись на черном мокром асфальте – словом, зрелище было печальное. Владельцы «мерседеса», лысый как колено коротышка в расстегнутой кожанке, из-под которой выпирало круглое объемистое брюхо, размахивал руками и орал

так, что его было слышно даже здесь, на самом верхнем этаже, и даже сквозь тройной стеклопакет. Судя по доносившимся до Глеба выкрикам, бедняга намеревался подать на коммунальщиков в суд и пустить коммунальные службы города-героя Москвы по миру без штанов – пускай у Лужкова кепку попросят и ей срам прикрывают...

Федор Филиппович, у которого подобные вещи уже давно перестали вызывать даже мимолетный интерес, сидел на удобном кожаном диванчике, листая принесенный с собой гляцевый журнал, выглядевший, по крайней мере на первый взгляд, как каталог ювелирных украшений. На журнальном столике перед ним курилась паром, остывая, чашка кофе, расстегнутый портфель стоял рядом на полу. Время от времени генерал отрывал взгляд от каталога и поверх очков смотрел на Сиверова. Он ждал доклада, но Глеб не торопился; можно было подумать, что его действительно занимает происходящее под окнами конспиративной квартиры безобразия.

Слепой докурил сигарету, раздавил окурочек в стоявшей на подоконнике пепельнице и повернулся к Федору Филипповичу. На нем была короткая кожаная куртка – батареи в квартире были едва теплые, и снимать куртку совсем не хотелось. Глеб нацепил еще черную водолазку, черные кожаные перчатки торчали у него из кармана, а на переносице, по обыкновению, поблескивали темные очки в тонкой металлической оправе. В таком виде он здорово смахивал на того, кем являлся в действительности, и Федор Филиппович подумал, что в его подчиненном пропадает неплохой актер.

– Докладывай, – сказал он. – Как прошло внедрение?

Глеб пожал плечами.

– Как по маслу, – сказал он. – Даже подозрительно. Этот Кот принял меня, как родного.

– С такими рекомендациями да не принять? – сказал Федор Филиппович.

– Рекомендации... – Сиверов едва заметно усмехнулся, видимо что-то припомнив. – Интересно, чьи это были рекомендации?

– Это к делу не относится, – сказал Потапчук. – Если бы данная информация была тебе полезна, я бы тебя с ней ознакомил. А так...

– Меньше знаешь – лучше спишь, – закончил за него Глеб. – Согласен. Я только хочу быть уверен, что полученные вами данные... Ну, словом, что ваш стукач не выдумал всю эту историю, чтобы срубить пару лишних евро.

– В этом можешь не сомневаться, – успокоил его Потапчук. – Источник надежный, проверенный. Эти кретины действительно имеют в виду что-то вполне конкретное. Нет, какова наглость, а?! Ей-богу, я очень хорошо понимаю твои сомнения. Ограбление Эрмитажа – это что-то из области фантастики. Тебе удалось выяснить, на что именно они нацелились?

Глеб взял со стола пачку сигарет, задумчиво повертел в руках и бросил обратно.

– Представьте себе, да, – сказал он. – Только я не понимаю, зачем вы спрашиваете. У вас ведь каталог на коленях.

– Спрашиваю, чтобы получить достоверную информацию от своего лучшего агента, – строго пояснил Федор Филиппович. – А каталог, – он швырнул глянцевый журнал на столик, – каталог, Глеб Петрович, это так, догадки и предположения... Можешь, кстати, полюбопытствовать.

Сиверов взял со стола яркую глянцевую книжицу и быстро, невнимательно перелистал. Текста в каталоге было совсем чуть-чуть, да и то по-испански, зато фотографий хватало, и были они отменного качества. Фотограф был силен в композиции, и даже равнодушному к золоту и прочей бижутерии Глебу, глядя на снимки, поневоле захотелось подержать некоторые из этих вещиц в руках, ощутить их вес, почувствовать заключенный в них груз времени, прикоснуться к этому наследию кровавой истории великих завоеваний.

– Отчаянные ребята, – сказал он, кладя каталог на стол. – Замахнуться на такое дело...

– Так они действительно имеют в виду это? – уточнил Федор Филиппович, кивнув подбородком на каталог.

– Да, – сказал Глеб. – Сокровища испанской короны, золото инков, наследие конкистадоров... Парни спят и видят, как бы устроить крупный международный скандал и при этом стать богаче на... я даже не берусь предположить насколько. Нет, в самом деле, замысел смелый: с тюремных нар – прямым в олигархи...

– Но-но, – строго сказал ему генерал, – ты не увлекайся. А то, глядишь, и тебе захочется... того, в олигархи.

– Заманчиво, – улыбнулся Глеб. – Только, на мой взгляд, дело это гиблое. План они разработали неплохой, очень подробный, но такие планы осуществляются только в кино. Малейшая случайность, непредвиденный сбой – и все идет прахом, а участники... Ну, тут уж кому как повезет. Кто-то оказывается в наручниках, а кто-то – на грязной земле, с пулей в кишках.

– Посмотрим, – не совсем понятно отреагировал на эту тираду Федор Филиппович и пригубил остывший кофе.

– Вам удалось выяснить, кто они такие? – спросил Глеб.

– Разумеется, – Федор Филиппович отодвинул чашку и поставил на колени портфель. Вынул оттуда старомодную картонную папку, развязал тесемки и начал выкладывать на стол какие-то бумаги. – Начнем с Кота, он же – Петр Иванович, идейный вдохновитель и организатор данного мероприятия. Настоящее имя – Андрей Иванович Васильев, год рождения – одна тысяча девятьсот шестьдесят третий от Рождества Христова. Образование – неоконченное высшее, судимостей три, и все на приличные сроки...

– По нему ни за что не скажешь, – заметил Глеб. – Он больше похож на бывшего военного, чем на урку.

– Он прилагает к этому много усилий, – сказал Потапчук. – И, кстати, любит представляться подполковником в отставке. Крупный аферист, но в организации вооруженных налетов до сих пор замечен не был. Вообще, до этого случая он предпочитал работать в одиночку, без партнеров, и отвечать только за себя.

– Да, – задумчиво произнес Глеб, – это довольно странно. Не мальчик, но муж... Странно! Обычно такие люди своих привычек не меняют. Впрочем, ради такого

куша, – он постучал пальцем по яркой обложке каталога, – не грех один раз отступить от правил. Ну, хорошо... А что остальные?

Федор Филиппович порылся в бумагах, поправил очки.

– Про Недосекина ты знаешь, – сказал он. – Черт, агент перестарался, уложил его в реанимацию... Его бы расспросить хорошенько, припугнуть – глядишь, он бы нам что-то полезное и выложил.

– Вряд ли, – усомнился Глеб. – Он ведь, как я понял, в той системе человек новый... Ну, а остальные?..

– Остальные набраны с бору по сосенке. Хотя каждый из них является очень неплохим специалистом в своей области.

– Даже Бек?

– Бек – единственный настоящий уголовник из всей компании. Медвежатник, мастер по вскрытию самых хитрых замков любой конструкции – и механических, и электронных. За колючей проволокой провел в общей сложности шестнадцать лет, поэтому после твоей шуточки с сигаретой я бы не рекомендовал тебе поворачиваться к нему спиной.

– Я ни к кому из них не собираюсь поворачиваться спиной, – заверил его Глеб. – Хотя это не так-то просто... Ну, а что насчет Клавы?

– Не понимаю, – сказал генерал, – откуда у мужика женское имя?

– Федор Филиппович, – сказал Глеб, – да вы что? «Клава» на жаргоне компьютерщиков – это просто клавиатура. Видимо, кому-то из этих неандертальцев понравилось слово, вот вам и кличка...

– Да, действительно, – сказал Потапчук. – Клава – клавиатура... Это же очевидно. Тьфу ты черт! Маразм подкрался незаметно, хоть виден был издалека... Так вот, Клава, он же Игорь Зайцев. Программист-самоучка, никакого специального образования не получал, дважды привлекался за взлом компьютерных систем... А сколько раз не привлекался, потому что не был пойман за руку, никому, кроме

него самого, не известно. В общем, хакер, причем, судя по некоторым отзывам, серьезный. Именно ему предстоит заняться камерами слежения, сигнализацией и прочей электронной требухой. Теперь Гаркуша. Это его настоящая фамилия, клички он себе пока не заработал. Профессиональный водитель, испытатель, гонщик, выступал за команду Тольятти. В данный момент остро нуждается в деньгах, поэтому на предложение Кота – Васильева клюнул сразу, без раздумий.

– Удивительно, – сказал Глеб. – Такая разношерстная компания... Надо отдать должное Коту, у него прекрасные организаторские способности. Хотя я на его месте ни за что не отважился бы идти на серьезное дело с такой разномастной шайкой. Ведь у него, по вашим же словам, три ходки за плечами. Не новичок, связи в уголовном мире у него должны быть очень широкие. Так неужели он не мог набрать настоящую команду, а не этот... цирк Шапито?

Федор Филиппович едва заметно усмехнулся.

– Настоящая команда – палка о двух концах, – заметил он. – Работать с ними, конечно, легче и спокойнее, но вот потом, когда дело сделано... Тогда надо либо честно делить добычу, да при этом еще и смотреть в оба, чтобы твои подельники тебя не объегорили, либо мочить этих подельников – всех до единого. А это непросто, коль скоро речь идет о настоящих профи. Того и гляди, самому перо в бок воткнут. То ли дело, как ты выразился, цирк Шапито! С одной стороны, тоже вроде бы профессионалы с узкой специализацией, а с другой – телята, валенки, которых можно просто кинуть, оставив у разбитого корыта.

– Резонно, – сказал Глеб. – Вот только Бек сюда никак не вписывается.

– Почему же не вписывается? Возможно, он просто разыгрывает отведенную ему Котом роль агрессивного дурака и всеобщего посмешища. С одной стороны, команда сплачивается на почве общей неприязни к нему, а с другой – его постепенно перестают воспринимать всерьез, а это очень удобно на тот случай, если Кот решит все-таки избавиться от своих коллег.

– Тогда Бек – великий артист. Вот уж действительно посмешище... Хотя, если кто-то и должен был стать всеобщим посмешищем, козлом отпущения, таким клапаном для выпуска лишнего пара, так это не Бек, а Короткий...

– Ну и как? – спросил Потапчук. – Похож Короткий на клоуна?

– На кого угодно, только не на клоуна. Иногда, глядя на него, я забываю, какого он роста.

– Вот-вот. Именно этого он всю жизнь и добивается, на это и вкалывает с молодых ногтей – чтобы быть не хуже, а лучше людей с нормальными физическими данными. Чтобы при своем мизерном росточке поглядывать на окружающих сверху вниз. Этаким, знаешь ли, умный и ловкий Гулливер в стране тупых великанов.

Глеб вынул из пачки сигарету и закурил.

– Задача если не похвальная, – заметил он, – то, по крайней мере, вызывающая сочувствие. И что же, он с самого детства самоутверждается, хватая всех, кто выше его, за яйца?

– До чего может дотянуться, за то и хватает, – проворчал Федор Филиппович. – Думаю, да, с самого детства, хотя так глубоко его биографию мы раскапывать не стали. И потом, он давно нашел иные способы самоутверждения. Тебе известно, что он профессиональный гимнаст, акробат?

– Нет, – ответил Глеб, – неизвестно. Хотя его ловкость впечатляет. Обычно лилипуты даже двигаются иначе, как-то неуклюже, а этот весь как пружина. Гимнаст и акробат, да?

– Да, причем без этих скидок, которые обычно делаются зрителями, идущими посмотреть на цирк лилипутов.

– Отвратительное зрелище, – заметил Глеб. – Уроды глазеют на уродов, и непонятно, кто хуже – те, кто кривляется на сцене, или те, кто гогочет, показывая на них пальцем...

– Разумеется, хуже те, кто глазеет, – сказал Потапчук. – Те, кто, как ты выразился, кривляется, делают это ради куска хлеба и потому, что на подобные зрелища существует устойчивый спрос. Да, есть в этом что-то средневековое... Но это уже не наше дело. Нас интересует не цирк лилипутов как таковой, а лишь один из его артистов. Он действительно выступал некоторое время в разъездной труппе лилипутов при какой-то филармонии. Роль ярмарочного уродца его

никоим образом не устраивала, и он ухитрился сделаться настоящим гимнастом, хотя это было очень тяжело из-за врожденных физических недостатков. Это, Глеб Петрович, был своего рода подвиг – увы, бессмысленный. Парень больше года готовил сольный акробатический номер, но выступить с ним на сцене ему не дали, очень резонно подметив, что такое выступление не вписывается в рамки программы – оно ей, видите ли, композиционно чуждо...

– Понимаю, – сказал Глеб. – Это было бы то же самое, что продавать Рубенса или Тициана с лотка, где торгуют порнографией... или, на худой конец, матрешками.

– Да, что-то в этом роде... Словом, из труппы он ушел, а в настоящий цирк его не приняли. Да и кем бы он стал в цирке? Что бы он ни делал, какие бы чудеса ни совершал, на него все равно смотрели бы именно и только как на лилипута – забавного уродца, который умеет кувыркаться и ходить на руках... Короче говоря, после попытки устроиться в цирк в его биографии имеет место пробел продолжительностью около трех лет. В определенных кругах поговаривают, что за это время ваш Короткий освоил специальность квартирного вора-форточника. Данная информация очень похожа на правду, но проверить ее мне пока не удалось.

– М-да, – сказал Сиверов. – Вот этого я уже не понимаю. На кой черт Коту в Эрмитаже форточник? Тайна сия велика есть...

– Воистину, – согласился Потапчук. – Ну вот, кажется, и все. Если, конечно, не считать...

– Черного, – закончил за него Глеб. – Стрелка на подхвате, как выражается Кот. Знаете, Федор Филиппович, оказывается, эти дротики со снотворным – отличная вещь! Я вчера попробовал на бродячей собаке. Стрелял чуть ли не с пятидесяти метров, и, вы знаете, эффект как от пули, – бобик даже твякнуть не успел. Завалился на бок и уснул, как младенец...

– Тренируйся, тренируйся, – поощрил его генерал. – Это умение тебе скоро пригодится.

Глеб изумленно воззрился на него, не донеся сигарету до рта.

– Простите, товарищ генерал, – сказал он, – я что-то не пойму: вы что, хотите, чтобы я туда вернулся?

– А что ты предлагаешь? – в свою очередь удивился Федор Филиппович. – Взять их сейчас? Так вроде не за что. Изучать подробный план Эрмитажа и посещать выставки законом не возбраняется.

Глеб поскуучнел.

– То есть вы хотите взять их с поличным прямо в музее? Оно, конечно, неплохо, только рискованно... А вдруг они что-нибудь испортят или, не дай бог, украдут?

Федор Филиппович поморщился.

– Что-то ты, Глеб Петрович, в последнее время стал много говорить, – заметил он. – И в основном не по делу. Прямо артист разговорного жанра какой-то... Перестань паясничать. Ты прекрасно понимаешь, что эта кучка придурков мне ни к чему. Если бы речь шла только о том, чтобы их выловить и закрыть, я отдал бы это дело местным ментам. Ты очень правильно подметил: Кот не из тех, кто вот так, с бухты-барухты, меняет окраску и берется за новое для себя дело. Кто-то его, во-первых, надоумил. А во-вторых, материально заинтересовал, потому что такие побрякушки, сам понимаешь, в скупку не понесешь. Если продать их в качестве лома или, скажем, переплавить, они потеряют девяносто восемь процентов своей нынешней стоимости. Следовательно, имеет место заказчик, который может продать сокровища испанской короны за их настоящую цену, а это дело уже, согласись, по нашей части. Поэтому, Глеб Петрович, ты будешь с этими людьми до конца и сделаешь все, что зависит от тебя как от «стрелка на подхвате», чтобы ограбление прошло гладко, без сучка, без задоринки. После этого нам останется только сесть Коту на хвост и посмотреть, к кому он нас приведет.

– Чудесный план, – с кислой миной похвалил Сиверов. – Испанская корона будет от него в восторге. Особенно если наши доблестные внутренние органы опять запутаются в собственных конечностях и упустят этого Кота вместе с побрякушками. То-то будет весело! Вы, Федор Филиппович, покроете неувядаемой славой не только себя, но и всю нашу контору. Да что там контора! Если хотя бы часть экспонатов этой выставки умыкнут у нас из-под носа, представители королевской семьи Испании, а вместе с ними и весь испанский

народ при одном только слове «Россия» будут хором ругаться матом. По-русски, потому что так, как у нас, ругаться нигде не умеют...

Федор Филиппович некоторое время молчал, прислушиваясь к перестуку капли и доносившемуся откуда-то чириканью пьяных от солнца воробьев.

– Да, – сказал он наконец, – я всегда знал, что ты умен. Но в последнее время ты поумнел еще больше. Настолько поумнел, что можешь учить генералов...

Глеб погасил в пепельнице сигарету, откашлялся в кулак и сосредоточился, ожидая начальственного втыка, который, судя по последней реплике Федора Филипповича, был неизбежен. Конечно, начальству виднее, но Сиверов пока что оставался при своем мнении: рисковать коллекцией, которую должны были вот-вот доставить в Питер из Испании, нельзя ни при каких обстоятельствах. Когда имеешь дело с умным преступником, всегда существует вероятность неожиданных сюрпризов с его стороны. А когда этот преступник мало того, что умен, так еще и всю свою жизнь прожил в России, упомянутая вероятность приближается к ста процентам. Можно не сомневаться, что в запасе у Кота есть парочка хитрых коленец, о которых не подозревают даже его подельники. И вот когда он выкинет одно из этих коленец и растворится в воздухе на глазах у пораженной публики вместе с пресловутыми сокровищами конкистадоров, останется только развести руками: пардон, осрамились...

– В отличие от тебя, – продолжал генерал Потапчук, – наше руководство отнеслось к полученной нами информации о готовящемся ограблении вполне серьезно. Я был с докладом наверху, и там согласились, что нужно выходить на заказчика и что выйти на него можно только по цепочке, проследив за перемещением похищенных драгоценностей. Даже ты не станешь отрицать, что человек, нанявший Кота, скорее всего обыкновенный посредник, которого также наняли через посредника... и так далее, до самого победного конца. В этой цепочке может быть любое количество звеньев, а ты предлагаешь оборвать ее в самом начале, взяв с поличным Кота. Допустим, нам удастся заставить его назвать имя посредника, который подписал его на это дело. Ну и что? Как только станет ясно, что Кот засыпался, его и след простынет. Мы загребем рядовых исполнителей, а организатор останется на свободе, чтобы... Да черт подери, Глеб Петрович, почему я должен заново учить тебя азбуке?!

– Виноват, товарищ генерал. Я понимаю: раз есть ниточка, за нее нужно тянуть очень аккуратно, чтобы ненароком не порвать. Я только хотел заметить, что в

таком деле накладки почти неизбежны и что нам не простят, если мы, увлекшись оперативными играми, позволим шайке дилетантов обчистить испанскую монархию.

– Да оставь ты в покое испанскую монархию! Надо же, какая трогательная забота о благополучии королевской семьи! Поверь, не тебя одного это волнует. Так вот, чтобы ты не слишком переживал, могу тебе сообщить, что этот вопрос уже решен на самом высоком уровне. Испанская сторона отнеслась к нашим проблемам с пониманием. Они согласны, что настоящий организатор преступления представляет огромную опасность для мирового культурного наследия и что оказаться он может кем угодно, в том числе и подданным испанской короны. Нам обещано полное и решительное содействие...

– Ого! И они согласны рискнуть?

– Они ничем не собираются рисковать. С каждого из выставочных экспонатов сделана копия...

Сиверов поморщился:

– Муляжи? Кого они хотят этим обмануть? Ну ладно, второпях, да еще ночью, грабители могут на это купиться. Но заказчик... Не знаю. Вряд ли.

– А ты не перебивай, – строго сказал генерал. – Кто тут говорит о муляжах? Я сказал – копии. Причем настолько точные, что отличить их от оригинальных изделий сможет только эксперт, вооруженный соответствующим оборудованием.

– То есть, – уточнил Глеб, – речь идет об изделиях из настоящего золота и драгоценных камней? Час от часу не легче!

– Так ведь ты сам говоришь, что муляжи не годятся, – хладнокровно заметил Федор Филиппович. – Не забывай, Кот – бывалый аферист, в золоте и камешках разбирается не хуже профессионального ювелира. Его на мякине не проведешь. Словом, Глеб Петрович, придется тебе еще немного побыть Черным. Ты ведь у нас до сих пор ни разу музеи не грабил? Ну вот и попробуешь, каково это. Потренируешься...

– Хороша тренировка, – мрачно заметил Глеб, – вломиться в Эрмитаж! Вот подстрелят меня там, будете знать...

– А вот на это, – строго сказал Федор Филиппович, – ты, друг мой, не имеешь права. Ограбление должно пройти тихо, в полном соответствии с планом, и завершиться полным успехом. Такова твоя ближайшая задача, и за ее выполнение мы с тобой несем полную ответственность.

– Как обычно, – констатировал Сиверов.

– Да, – сказал Федор Филиппович. – Как обычно.

* * *

За огромными сводчатыми окнами, скрытыми опущенными шелковыми маркизами, шумел освещенный яркими вечерними огнями Невский, однако уличный шум заглушался звучащей в обеденном зале ресторана музыкой – как водится в подобных местах, чересчур громкой. Кот любил дорогие рестораны; ему здесь нравилось все, в том числе и громкая музыка, однако сегодня он пришел в кабак по делу и потому просил метрдотеля усадить его за столик подальше от эстрады, чтобы рев мощных динамиков не мешал разговору. Любой каприз в местах, подобных этому, стоит денег, и притом немалых, а столик Коту в результате достался едва ли не самой плохой во всем зале – входная дверь отсюда просматривалась отлично, зато эстрада была почти не видна, и, чтобы хотя бы издали полюбоваться стройными бедрами певички, приходилось оборачиваться, вытягивать шею и наклоняться всем корпусом вправо. Кот изо всех сил старался этого не делать; кроме того, принимая во внимание важность сегодняшней встречи, он не мог даже по-настоящему выпить – ему нужна была свежая голова.

Он сидел за своим столиком и, потягивая минералку, следил за дверью. Две вызывающе одетые девицы за соседним столиком, выглядевшие как профессионалки, скромно клевали тертую морковку, бросая по сторонам зоркие охотничьи взгляды. Одна из них довольно долго строила Коту глазки, заподозрив в нем перспективного клиента. При других обстоятельствах Кот не преминул бы воспользоваться ее услугами и посмотреть, кого из них двоих в итоге поджидает большой сюрприз. Среди девок в последнее время развелось слишком много любительниц обирать клиентов до нитки, ничего не давая

взамен, и Коту нравилось время от времени их удивлять. Он полагал, что опытная клофелинщица должна испытывать удивление, проснувшись поутру с симптомами клофелинового отходняка, без денег и побрякушек да вдобавок с таким ощущением, будто этой ночью обслужила роту изголодавшихся солдат.

Но в данный момент ему было не до состязаний в ловкости рук и мастерстве отвлекающих маневров с ресторанными проститутками, и, видя его полную индифферентность, девица за соседним столиком перестала обращать на него внимание.

Кот посмотрел на часы, и в это самое мгновение в зеркальных дверях зала показался человек, которого он ждал. Это был худой, заморенного вида интеллигент с длинной лошадиной физиономией, на которой криво сидели очки с толстенными стеклами. Увеличенные этими мощными линзами глаза даже издали казались какими-то испуганными, чуть ли не затравленными, и даже в движениях очкарика было что-то от испуганной лошади. Мятый, с пузырями на локтях, выдавший вида твидовый пиджак, как на вешалке, болтался на его костлявых плечах, худая рука сжимала ручку потрепанного матерчатого портфеля с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Очкарик выглядел так, будто забрел сюда по ошибке и теперь не знал, куда себя девать; чувствовалось, что к завсегдатаям злых мест он не относится. Впечатление не стало бы полнее, даже если бы у него на лбу горела неоновая надпись: «Неплатежеспособен». Коту оставалось лишь порадоваться, что в зале полно свободных мест: в противном случае этого придурка сюда бы просто не пустили.

Проходивший мимо официант замедлил шаг, а потом и остановился, выжидающе глядя на очкарика и явно прикидывая, не выставить ли его за дверь. Под его оценивающим взглядом очкарик занервничал еще сильнее. Кот нехотя подобрал под себя ноги, готовясь встать и прийти ему на выручку, но тут очкарик наконец углядел его среди пестрой ресторанной публики и, далеко, как кусачего цепного пса, обойдя официанта, неровной, торопливой походкой направился к столику.

Официант медленно и плавно, как орудийная башня линкора, развернулся ему вслед, но Кот уже поднялся, делая приглашающие жесты, и хищный огонек в глазах официанта погас – инцидент был исчерпан. Пожимая вялую потную ладонь очкарика, усаживая за стол и произнося обычную в подобных случаях веселую чепуху, Кот испытывал огромное облегчение от мысли, что видит этого типа в последний раз.

Очкарик, впрочем, тоже не выказывал особой радости от общения, и дело тут было, конечно же, не только в непривычной для него обстановке. Там, у себя, в своей фирме, он был далеко не последним человеком. С ним считались, его уважали, им дорожили, а в том, что при всех этих условиях у него не нашлось бабок на приличный костюм, он был виноват сам. Заработать деньги – это только полдела. Зарабатывать, так или иначе, умеет каждый, а вот получить заработанное сполна – это уже искусство, которым владеют немногие. Честность? Ох, не смешите! В подавляющем большинстве случаев эта ваша так называемая честность на поверку оказывается неразрушимым сплавом трусости и лени, замаскированным красивыми словами. Доказательством своей правоты Кот считал то, что очкарик пришел сюда, точно зная, какова цель этой встречи. И что, интересно знать, у него в этом портфельчике? А? То-то! А вы говорите, честность...

Но как бы то ни было, а у себя на фирме Семен Валентинович Градов пользовался определенным уважением. Поскольку котелок у него варил за троих, а вкалывал он, надо полагать, вообще один за всю свою контору, его там только что на руках не носили, на разные лады расхваливая его честность, принципиальность и прочие превосходные качества. А когда тебе каждый божий день с девяти утра до шести вечера дудят в уши про то, какой ты честный да бескорыстный, ты сам мало-помалу начинаешь в это верить. И, столкнувшись с грубой реальностью, выраженной в неспособности устоять перед предложенной взяткой в несчастные двадцать тысяч долларов, испытываешь, ясное дело, определенное разочарование. Потому что у неподкупности нет степеней, как у пресловутой булгаковской осетрины не бывает первой и второй свежести – либо ты продаешься, либо нет. А продаются все, это Кот знал наверняка; просто мир устроен так, что не на каждый товар находится покупатель.

Подозвав официанта, который все еще пялился на очкарика, Кот заказал коньяк и все, что полагается к нему. Закуска была обильной; здраво рассудив, что спаивать собеседника ему вовсе ни к чему, Кот решил предоставить господину Градову возможность хотя бы раз в жизни пожрать по-человечески. Все уже было решено и подписано, осталось только обменять товар на деньги и расстаться по-хорошему, так что поить этого дистрофика до упаду Кот действительно не собирался: еще, чего доброго, буянить начнет, а где буйство, там, как водится, и менты... Нет, ни к чему это было, совсем ни к чему.

Поэтому, когда Градов неуверенно заявил, что не пьет, Кот – Васильев горячо и искренне заверил его, что ни о какой пьянке не может быть и речи и что коньяк

он заказал исключительно для возбуждения аппетита и придания пище особого вкуса.

– Вы попробуйте, – сказал он, – а потом будете говорить... Господь с вами, Семен Валентинович, мы же интеллигентные люди, какое может быть пьянство! Буквально по пять капель... Ну, за успех нашего взаимовыгодного начинания! Кстати, вы принесли?

– Обсуждение этого вопроса я пока считаю преждевременным, – неожиданно для Кота заявил этот хмырь, вызывающе поблескивая стеклами очков. – Мне, знаете ли, нужны гарантии.

Услышав про гарантии, Кот понял, что его собеседник провел предыдущий вечер перед телевизором, переключаясь с одного криминального сериала на другой. Что ж, для такого валенка даже отечественный детективный сериал мог послужить неплохим учебным пособием по ведению теневого бизнеса. Вот только открыл он это пособие явно не на той странице... Гарантии ему!

– Помилуйте, – не скрывая недоумения, произнес Кот, – да какие же в нашем с вами деле могут быть гарантии? Мы, слава богу, не в магазине! И потом, это не вы, это я должен требовать гарантий. Откуда мне знать, что та филькина грамота, которую я у вас торгую, настоящая? Я вам отвалю свои кровные, а потом окажется, что вы мне всучили принципиальную схему ламповой радиолы «Кантата»...

– Мое имя не должно упоминаться, – объявил очкарик. – Нигде. Ни при каких обстоятельствах.

– Батюшки! – Кот всплеснул руками. – Да что это вы такое говорите?! Не упоминать вашего имени – это же в моих интересах! За что же я вам тогда такие деньги плачу?

Подразумевалось, что Кот – владелец и руководитель недавно образовавшейся частной фирмы, занимающейся установкой и наладкой компьютерных систем, в том числе и охранных. Подразумевалось также, что Кот разбирается в деле, которым решил заняться, как свинья в апельсинах, и потому вынужден возмещать недостаток образования напористой наглостью. И еще подразумевалось, что благодаря вышеназванным качествам он, Кот, урвал очень

крупный заказ, а теперь не знает, как его выполнить. И чтобы выйти из дурацкого положения, в которое сам же себя и загнал, он решил прибегнуть к негласной помощи такого видного специалиста, как уважаемый Семен Валентинович...

Интересовала его, ни много ни мало, ныне действующая система сигнализации и видеонаблюдения Государственного Эрмитажа, в разработке и установке которой Градов принимал непосредственное участие. Логика тут была простая: охранные системы Эрмитажа – это секрет, что называется, с двумя нолями, а значит, завладев их схемой, предприимчивый подонок вроде Кота может смело выдать ее за свою собственную, оригинальную и даже уникальную разработку, не боясь разоблачения.

Коротко напомнив все это Градову, Кот откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы рук на животе и благожелательно уставился на собеседника:

– Ну?

– Ну, не знаю... Двадцать тысяч, вы говорите? Любопытно, сколько же вы сами получите?

Кот поморщился. Вопрос был дурацкий, более того, бестактный. Впрочем, ничего иного от этого человека ждать не приходилось. Все в том же сериале, по которому с большим опозданием пытался научиться жить, этот очкастый клоун углядел, что при совершении крупной сделки непременно надо торговаться. И ведь по морде видно, что торговаться не умеет, не пробовал никогда, даже на рынке, а туда же... Нашел время для экспериментов!

– Много, – сказал Кот. – Но двадцать тысяч на сегодняшний день – мой потолок. Мне пришлось заложить все свое имущество вплоть до квартиры, чтобы собрать эту сумму.

– Ну, знаете, а я-то тут при чем? – несмело задрал хвост господин Градов. – Это, как говорится, ваши личные проблемы...

– Не спорю, – легко согласился Кот, борясь с желанием дать придурку разок по ушам, отобрать портфель и сделать ноги. А потом пускай бежит в ментовку, если ума хватит. Интересно, что он там скажет? Что его обманули, украв

секретные документы, которые он хотел продать? Ну-ну... Он бы так и поступил, но его останавливала мизерная, но все-таки реальная возможность того, что в принесенном Градовым портфеле нужных ему данных действительно нет. Они почти наверняка были там, но все же рисковать не стоило. Тем более что случай был пустяковый, с ним без труда справилась бы любая уличная торговка, не говоря уж о таком мастере, каким был Кот. – Не спорю, Семен Валентинович! – повторил он задушевно. – Я только хочу вам заметить, что торговаться надо было раньше, до того, как мы с вами достигли определенной договоренности. Это раз. И еще одно... Ну, заломите вы сейчас цену, которую я не смогу заплатить, и что? Я – банкрот, и вы от меня недалеко ушли... Кому это надо?

– Вы забываете, что у меня останется документация, – напомнил Градов. – Я могу продать ее кому-то другому.

– А у вас много покупателей? – с интересом спросил Кот.

Градов смешался.

– Найдутся, – неуверенно заявил он.

– Не думаю, – возразил Кот. – Мне пришлось потратить немало времени и денег, чтобы выйти на вас. О вас практически никто не знает, вам придется самому искать покупателя. И как, позвольте узнать, вы намерены это сделать? Дадите объявление в газету «Из рук в руки»?

Градов молчал. Он уже жалел о том, что взялся не за свое дело, затеяв этот неуместный торг, но пока не был готов в этом признаться. Давая ему время дозреть, Кот неторопливо закурил и выдул вверх струю дыма.

– Кстати, – легкомысленным тоном сказал он, – вы упускаете из виду еще один аспект деловых отношений. В бизнесе вы человек новый, вам простительно этого не знать. Понимаете, когда речь идет о серьезных деньгах, нарушение достигнутой договоренности, пусть даже устной, как правило, не остается безнаказанным.

Градов заметно дернулся, как от пчелиного укуса.

- Простите, это что же, вы мне угрожаете?

В его вопросе прозвучало такое искреннее возмущение, что Кот едва не рассмеялся.

- Вовсе нет, - сказал он. - Я всего лишь знакомлю вас с правилами игры, в которую вы взялись играть. Как и во всякой нормальной игре, в бизнесе нельзя просто бросить все, повернуться спиной к партнеру и уйти домой. Тогда вам будет засчитано поражение. А поражение в данном случае - штука крайне неприятная. Крайне! Вы меня понимаете?

- Признаться, с трудом, - скрипучим голосом произнес Градов. Естественно, он все понимал и старался сделать хорошую мину при плохой игре. Получалось это у него скверно. - Какие-то игры, правила... Вы не могли бы говорить проще, без этих намеков?

- Да какие уж тут намеки, - сделав огорченное лицо, вздохнул Кот. - Если угодно, извольте. Мы с вами договорились, так? Зная вас как человека порядочного и обязательного, я рассчитывал на вполне определенный ход событий. Исходя именно из этого, я взял банковский кредит, залез по уши в долги, неуплата которых грозит мне не долгой ямой, а самой обыкновенной ямой в земле, и хорошо еще, если это окажется яма на кладбище, а не в каком-нибудь пригородном лесочке. А все почему? А все потому, что в самый последний момент вас одолела жадность и вы решили еще поторговаться. Так не делается, Семен Валентинович. А что бывает с такими умниками, как вы, я вам только что объяснил. Пользы мне ваша смерть не принесет, конечно, никакой, зато я отправлюсь на тот свет не один, а в приятной компании. Вы же мне выбора не оставляете, понимаете вы это или нет?

Закончив эту коротенькую лекцию, он снова откинулся в кресле и стал сквозь дымовую завесу разглядывать собеседника.

Собеседник был готов. Его лошадиная физиономия стала не просто бледной, а уже какой-то синеватой, как обрат, и на этом фоне отчетливо проступили все изъяны - какие-то мелкие прыщички, начавшая пробиваться щетина и прочие неаппетитные мелочи наподобие торчащих из ноздрей пучков волос. Губы у него подрагивали, очки окончательно перекосились; вилка с насаженным на нее куском мелко дрожала, но Градов этого даже не замечал. Похоже, до него

только сейчас дошло, что пути назад нет и что никто не намерен играть с ним в детские игры, гладить по головке и все ему прощать только за то, что он такой умный, честный и талантливый. «Нет уж, дружок, – подумал Кот, разглядывая его из-под полуопущенных век и наслаждаясь этим зрелищем. – Назвался груздем – полезай в кузов; честность твоя осталась в прошлом, как завоевания Александра Македонского; в уме, принимая во внимание обстоятельства, трудно не усомниться, а что до таланта, то за него тебе, глисте очкастой, предлагают неплохие деньги, тебе таких и за десять лет не заработать...»

– Вы меня без ножа режете, Семен Валентинович, – сказал он, чтобы помочь очкарику выбраться из угла, в котором тот оказался из-за своей же не к месту пробудившейся жадности. – Ну, хорошо, забирайте последнюю рубашку! Даю еще тысячу, но имейте в виду, что домой я пойду пешком. Или поеду в троллейбусе. Зайцем.

Расчет оказался верным, трусость в сочетании с жадностью сделала свое дело: Кот увидел, как скорбные морщины на лошадиной физиономии разгладились будто по волшебству, а на бледные щеки вернулось некое подобие румянца. Клиент буквально на глазах обретал уверенность в себе.

– Это... – начал он.

– Знаю, – перебил его Кот. – Мои проблемы, верно?

«Ох, дружок, – подумал он сочувственно, – не дай тебе бог попасться на этой сделке! В зоне ты и месяца не протянешь. Да ты с такими манерами и до зоны-то не доживешь, загнешься прямо в СИЗО...»

– Вот именно. Деньги при вас?

– А товар?

Вместо ответа Градов положил на колени свой портфель, расстегнул заедающую молнию, вынул зеленую пластиковую папку и спрятал ее под стол с явным намерением передать ее Коту под прикрытием скатерти.

– Не валяйте дурака, официант смотрит, – сказал Кот, которого этот болван уже успел безумно утомить. – Что за шпионские игры? Вы же только привлекаете к нам внимание. Положите папку на стол и дайте взглянуть. Не думаю, что в этом шалмане найдется хотя бы один человек, кроме вас, способный понять, что в ней лежит.

Градов послушался. Кот заглянул в папку, ничего не понял, кроме нескольких написанных по-русски слов, которые ни о чем ему не говорили, сделал умное лицо и кивнул. Инженер закрыл папку и положил сверху обе ладони, словно боялся, что Кот сейчас схватит его сокровище со стола и бросится наутек.

– Хорошо, – сказал Кот, расстегивая под столом свой кейс и вынимая из него непрозрачный полиэтиленовый пакет. – Вот, держите. Здесь ваши двадцать тысяч.

Градов немедленно полез в пакет и принялся перебирать бумажки. Он пытался держать себя в руках, но ни черта у него из этого не получалось: морда у него была счастливая, как у шестилетнего пацана, обнаружившего под новогодней елкой полный набор хоккейного снаряжения.

– А здесь, – продолжал Кот, вынимая из внутреннего кармана пиджака портмоне, – ваша тысяча. – Он ловко вынул из портмоне стопку купюр, толкнул ее через стол и показал Градову пустое, подбитое искусственным шелком нутро бумажника. – Видите, что вы со мной сотворили? А теперь, будьте добры, расплатитесь с официантом.

– Что?! – возмутился Градов. – Но ведь заказ делали вы!

Кот не стал напоминать ему, кто именно сожрал за разговором все заказанное.

– Но деньги-то у вас, – сказал он вместо этого. – Все, в том числе и те, что причитаются этому заведению. Можно, конечно, попытаться уйти, не заплатив, но, боюсь, это кончится поездкой в отделение милиции, благо оно тут совсем рядом, буквально в двух кварталах. Вы хотите в милицию? Нет? Я тоже. Давайте платите. Богатый человек должен иногда проявлять щедрость.

– А... сколько?

– Ста долларов хватит, – с удовольствием предвкушая реакцию, небрежно сообщил Кот.

– Как?!

– Это дорогой ресторан, здесь самая лучшая в Питере кухня. Ведь было вкусно, разве нет? Ну, вот видите. Заодно и убедитесь в подлинности полученных вами денежных знаков... Да нет же! Не берите вы из этой несчастной тысячи. Что вы, в самом деле, как дитя малое? Может, у меня только эти десять бумажек настоящие, а все остальное я на принтере напечатал... Вы об этом не подумали? Ну вот, видите, а туда же – торговаться... Эх вы, олигарх...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/voronin_andrey/slepoy-tayna-leonardo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)